



新嘉坡
聯合書院

1920

- [Луи Жаколио](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТРАННОЕ ОБЩЕСТВО](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КАТОРЖНИКИ](#)
 - [notes](#)
 - [Note1](#)
 - [Note2](#)
 - [Note3](#)
 - [Note4](#)
 - [Note5](#)
 - [Note6](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Луи Жаколио
Месть каторжника

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО

Де Вержен, префект полиции, после большого представления в Оперном театре, где он был со своей женой и дочерью, вернулся в здание префектуры около часу ночи. Он собирался уже проводить дам на их половину, как увидел своего секретаря, бросившегося ему навстречу. Молодой человек был в таком волнении, что де Вержен, пораженный его изменившимся лицом, быстро спустился по лестнице, по которой было уже поднялся и сказал:

— Что, Серван, случилось что-нибудь?

— Нечто ужасное, господин префект! — отвечал молодой человек. — Жак Фроле, начальник полиции общественной безопасности, только что убит в своем кабинете. Агент, который сообщил мне об этом, поспешил за доктором, у меня едва было время отдать приказ никого не выпускать, и вот я поспешил за вами.

— А убийца?

— Отряд, который должен был нести службу в эту ночь, обыскивает все закоулки вокруг здания префектуры и, наверное, захватит его, так как невозможно, чтобы он как-нибудь проскользнул.

В это время агент Буске, первым давший знать о происшествии, вошел с доктором Бурдоном, одним из врачей, живших по соседству с префектурой.

Де Вержен поспешил им навстречу со своим секретарем, и все четверо молча стали подниматься по лестнице, которая вела в кабинет несчастного Фроле.

Де Вержен был человек лет сорока, высокий, изящный, старающийся подчеркнуть манерой одеваться выпрямку кавалерийского офицера. Тонкий политик, он умел, несмотря на частые перемены в министерстве, оставаться на своем посту, искусно выполняя свои щекотливые обязанности... И, нужно сознаться, что никогда полиция не была в таких надежных руках. Де Вержен обладал редким даром разгадывать людей и давать им поручения, сообразно их способностям, щадя их силы в обычное время с тем, чтобы в случае надобности потребовать от них все, что они могли бы сделать. Он удивительно умел предупреждать борьбу самолюбий или конфликты из-за преимуществ службы в различных отделах. В конце

концов он окружил себя избранным персоналом, не имевшим себе равного во всей Европе.

Это был лучший период жизни французской полиции. Слава о подвигах Фроле, Люса и подобных им, гениальных агентах полиции, распространяясь на их начальника, сделала положение последнего непоколебимым. И до такой степени эта должность отождествлялась с занимавшим ее человеком, что уже нельзя было даже представить себе префектуру без де Вержена. Поэтому легко понять, с каким волнением этот высокопоставленный чиновник принял известие о преступлении, лишившим его одного из самых ловких сотрудников.

Жак Фроле, в продолжение десяти лет бывший начальником полиции общественной безопасности, успешно вел дела не только непосредственно относящиеся к его служебной компетенции, но и затрагивающие политические или частные интересы — и ни разу не потерпел неудачи. Умный, энергичный, испытанной храбости, без тени каких бы то ни было предрассудков, презирающий людей за их подлости, он владел талантом молниеносно сориентироваться и составить план, который так же быстро выполнялся, не давая противникам времени опомниться. Потеря такого человека была невосполнима. Об этом была мысль де Вержена, когда он получил известие о только что совершенном ужасном преступлении.

Войдя в кабинет начальника полиции общественной безопасности, префект и его спутники увидели несчастного лежащим на разостланном на полу матраце. Помощник его Люс прикладывал смоченную холодной водой губку к ране, в которой еще торчал кинжал: никто не решался выдернуть его до прихода врача.

— Он жив еще, — проговорил доктор Бурдон, бегло осмотрев раненого. — Но от этого не легче: сердце бьется чрезвычайно слабо, а пульс почти незаметен.

— В таком случае нет надежды? — печально спросил префект.

— Я не вижу ее! — отвечал доктор, изучая направление кинжала. — Лезвие проникло в легкое, между четвертым и пятым ребром, и должно было произвести внутреннее кровоизлияние, против которого средства науки бессильны...

— Значит он умрет, не сказав ни слова... не назвав нам своего убийцу?

— По всей вероятности, господин префект однако, бывают иногда случаи, настолько странные и непонятные, что категорически я ни за что не могу ручаться. Чем далее я осматриваю рану, тем все более она мне кажется смертельной. Однако, нет ничего невероятного, если мой диагноз и не оправдается, если лезвие кинжала не повредило ни одного из важных

органов, и если внутреннее кровоизлияние, которого я опасаюсь, не произошло, то я не только буду в состоянии вернуть его к жизни, но может статься, что он даже выздоровеет.

— Да поможет вам Бог, доктор...

Во время этого разговора доктор, не теряя времени, легко разрезал своими хирургическими ножницами платье умирающего и, обнажив его тело, приготовив повязки, бинты, корпию и другие необходимые предметы, в изобилии имеющиеся в складе медикаментов при префектуре, принялся за извлечение из раны кинжала — операцию очень опасную, которая могла привести к немедленной смерти начальника полиции безопасности. Но, с другой стороны, не было средств избежать ее, так как сердцебиение становилось все слабее и слабее, а пульс уже совершенно не чувствовался. Кабинет наполнился народом, несмотря на присутствие префекта, и каждую минуту старшие и простые агенты приходили к помощнику начальника Люсу с отчетами о ходе дела по преследованию убийцы, так как в ту минуту все были уверены, что тот не мог убежать. Доктор жестом обратил внимание де Вержен на эту толпу, не перестававшую увеличиваться и мешавшую ему. Префект приказал очистить кабинет, что было исполнено моментально, и в комнате еще остались только помощник и два агента, поддерживающие несчастного Фроле. Тогда доктор Бурдон взял правой рукой ручку кинжала, и, придерживая рану двумя пальцами левой руки, стал вытаскивать оружие, медленно, постепенно, без толчков... Вдруг он остановился, — присутствующие заметили как он слегка побледнел.

— Что такое, доктор? — спросил префект, печально следивший за этой сценой.

— Вот видите, — отвечал врач, — уже двадцать сантиметров клинка вышли наружу, а я еще не вынул его до конца. Кроме того, раны от кинжалов, подобной формы, почти всегда смертельны, благодаря расстройству, которое они производят в органах... через десять минут этот человек будет уже мертв!

— Ради Бога! — вскричал де Вержен, — попробуйте привести его в чувство, чтобы мы знали, по крайней мере, имя его убийцы...

— В таком случае следует воспользоваться последними проблесками оставшейся ему жизни. — С этими словами доктор, отбросив уже бесполезную осторожность, сразу выдернул из раны оставшуюся часть клинка и зажал слегка двумя пальцами отверстие, так что кровь могла вытекать лишь тоненькой струйкой, освобождая легкое и не рискуя вызвать кровоизлияние, которого опасался врач. Опыт вполне удался, насколько это

было возможно в подобном безнадежном положении. Через несколько секунд умирающий открыл глаза. Легкое, освобожденное от заполнявшей его крови, дало возможность вздохнуть с хрипом и свистом, но в то же мгновение пенистая и бледная кровь показалась в отверстии раны. Это последнее обстоятельство, несомненно, показалось доктору очень важным, так как он отрывисто сказал де Вержену:

— Попешите его спросить, — и прибавил тише, — через пять минут все будет кончено.

— Фроле, — произнес префект, — вы меня понимаете? Раненый отвечал утвердительно.

Де Вержен продолжал:

— Мужайтесь, мой бедный Фроле, ваше положение вовсе не безнадежно!

— Не теряйте напрасно времени, господин префект, — тихо проговорил доктор, — с минуты на минуту он должен умереть!

Со своей стороны, Фроле энергичными знаками отвечал отрицательно на утешительные слова своего начальника, его лихорадочно блестевшие глаза тоскливо открывались и снова закрывались, а правая рука делала слабые движения, как будто отыскивая что-то.

— Скорее, аспидную доску! — сказал вдруг де Вержен, озаренный внезапной мыслью, — он не может говорить и хочет нам ответить письменно.

Луч радости блеснул на лице старого служаки, увидевшего, что его поняли. Он чувствовал тяжесть своего положения и не хотел умереть, не имея надежды быть отмщенным.

Приказание префекта было немедленно исполнено, и один из агентов стоя рядом с Фроле, крепко держа доску, взятую со стола начальника полиции безопасности.

— Вы знаете вашего убийцу? — спросил де Вержен раненого.

Фроле отвечал утвердительным знаком и тяжело протянул руку с грифелем к доске, которую ему подставил агент Буске. Необыкновенное волнение охватило присутствовавших... силы Фроле видимо слабели. Сможет ли он писать?

Два или три раза доктор давал ему нюхать соль, и это, по-видимому, придало ему силы, так как доска начала скрипеть при соприкосновении с грифелем, и в результате этих усилий появились две, довольно хорошо написанные, буквы... ДЕ. Несчастный Фроле, переставший писать, запыхавшийся и изнеможенный, снова положил руку на доску и собрал свои последние слабеющие силы, чтобы написать имя того, кто так подло

убил его... Но напрасно, смерть уже заканчивала свое дело, не дав ему и этого удовлетворения. Едва, с грехом пополам, нарисовал он следующую букву М... как грифель выскользнул из его руки, голова внезапно запрокинулась, тело судорожно вытянулось, — и жизнь закончилась.

В то же время старшие агенты ночной смены, обыскивающие со своими бригадами все здание сверху донизу, явились, сконфуженные результатами обыска к префекту и заявили о полной неудаче в поисках убийцы. Однако, утверждали они: убийца, несомненно, не имел возможности убежать.

Двое из часовых, охранявших многочисленные выходы обширного здания, заявили, что в тот момент, когда был получен на постах телеграфный приказ никого не пропускать, и когда они еще не знали причины этого приказа, какой-то незнакомец подошел к двум маленьkim калиткам в восточной части здания и вернулся вовнутрь, узнав, что проход воспрещен. Этот человек, утверждали старшие агенты, должен быть, несомненно, убийца и, если он еще не попал в их руки, то только потому, конечно, что скрылся в ту часть здания, где живет префект, и которую они не осмелились обыскивать, не имея на то полномочий. Что же касается примет этого господина, то дать их часовые не могли, так как двери, о которых шла речь, служили выходом в служебные помещения, уже неосвещенные после ухода чиновников из бюро. С этого времени часовые, не знавшие приказа, который только что был получен, заслышиав шум шагов на лестнице, ограничивались лишь окриком: «проход через эту дверь воспрещен». Однако, на одно, весьма важное обстоятельство оба часовых, дававших свои показания отдельно друг от друга, указывали совершенно согласно: они говорили, что были удивлены той поспешностью, с которой незнакомец поднялся снова на верхний этаж. После этого допроса агентов, префект полиции, как и они, пришел к мнению, что убийца не мог выйти из здания префектуры. Префект отдал приказ принести тело бедного Фроле в больницу при префектуре, и остался только с помощником Люсом и теми, кто играл какую-нибудь роль в этом деле. Де Вержен был очень чувствителен к нападкам прессы и думал об эффекте, который произвела бы весть об убийстве начальника полиции безопасности в его собственном кабинете, окруженному всевозможными агентами, если бы при этом пришлось признаться, что убийца ускользнул. Он уже слышал, как маленькие копеечные газетки, по натуре своей склонные все критиковать, кричат: «Если бы отныне честный буржуа вздумал насладиться сладостью безмятежного покоя, его безнаказанно зарезали бы в самой префектуре полиции, под бдительным оком этой полиции, которая простирает свою

снисходительность до покровительства убийце... »

— Если в эту ночь, — сказал себе де Вержен, — негодяй, всадивший кинжал во Фроле, не будет в моих руках, то мне ничего не останется делать, как подать в отставку, не дожидаясь того, чтобы она была потребована министром под давлением общественного мнения, которое, в случае неудачи, не замедлит высказаться.

Потом, обращаясь к помощнику, он прибавил:

— Господин Л юс, в тот самый час, когда убийца Фроле будет задержан, я подпишу ваше назначение начальником полиции безопасности. Желаю, чтобы вы оказались счастливее, чем когда отдавали приказания в качестве помощника, в новом расследовании, которое вы теперь должны предпринять. Если остается только осмотреть мои комнаты, то я провожу вас сам... Хорошенько сохраните эту доску, на которой несчастный Фроле написал три буквы — Д. Е. М., чтоб передать ее следователю. Кстати, как произошло это печальное событие? До сих пор у меня не было времени кого-нибудь спросить об этом.

— Мы знаем не более вашего, господин префект! Я был долго занят переговорами с Фроле по поводу дела на улице Монтаргейль — наше первое за многие годы неуспешное дело, что, однако, не мешает газетам язвить по этому поводу.

— Дело будет совершенно другого рода, если скроется убийца Фроле!

— О! Что касается этого, господин префект, то его депо дрянь, и мы, конечно, найдем его где-нибудь спрятавшимся в той части здания, где находится ваша квартира, я совершенно уверен, что никто не сможет выйти за двери здания, пока не будет отменен приказ... Возвращаюсь к рассказу о том, о чем вы меня спрашивали: я только что ушел от начальника и собирался подписывать наряды бригад, как вдруг мы услышали глухой шум, как будто от падения тела в кабинете Фроле. Агент Буске, находившийся близко от двери, открывает ее и бросается как раз вовремя, чтобы заметить, как закрылась противоположная дверь, открывающаяся в проход, ведущий в вашу канцелярию. Представив нам возможность оказать помощь раненому, Буске как бомба подскакивает ко второй двери, но она не поддается его усилиям, убийца имел еще присутствие духа заложить задвижку, которую вы приказали сделать с наружной стороны с целью прекратить с этой стороны всякое сообщение с вашей квартирой.

В то время, как агенты толпой бросились на центральный двор, чтобы перейти в противоположное крыло здания, которое убийца должен был непременно пройти, я предупредил Сервана, вашего секретаря, который по телеграфу передал на посты приказ никого не выпускать. Прошло не более

двух минут со времени происшествия — время, за которое физически невозможно было достигнуть какого-нибудь выхода из здания от того места! Мы только что подняли Фроле и положили его на матрац, принесенный из больницы при складе медикаментов, как пришли вы с доктором Бурдоном.

— Хорошо, у меня еще целый ряд вопросов к вам, но они нужны только если убийца скроется. Теперь же бесполезно тратить время. Итак, возьмите достаточное число людей и предупредите меня, когда вам останется осмотреть только ту часть здания, где находится моя квартира.

С этими словами префект оставил своего подчиненного и поспешил успокоить жену и дочь.

Оставшись один, Люс дал, наконец, волю своим чувствам, которые он вынужден был до сих пор скрывать.

— Наконец-то освободилась эта должность начальника полиции безопасности, о которой я мечтаю более десяти лет, и которую Фроле получил вместо меня, благодаря вопиющей несправедливости... Еще несколько часов, и эта знаменитая своей дисциплиной и своей способностью бригада будет под моим непосредственным началом!.. Я заставлю ее делать чудеса! Фроле был способный, я не отрицаю, но он имел большой недостаток для полицейской службы — он не умел прислушиваться к мнению окружающих, он хотел, чтобы важные преступники поступали в его полное распоряжение. Но к чему заниматься прошедшим, когда я накануне исполнения своих желаний... и да будет ему земля пухом!.. Теперь дело в том, чтобы поймать птичку в клетку. Бедный малый, сделавший меня, сам того не подозревая, начальником полиции безопасности, не знал, конечно, что достаточно нажать электрическую кнопку, чтобы на каждом посту появилась надпись: «Выход запрещается до отмены приказа». Какой может быть мотив преступления? Конечно полиции не занимать врагов, но обыкновенные преступники не в обиде на нас, они знают, что мы их преследуем по долгу службы, без ненависти, и я не удивлюсь, если это дело было местью откуда-нибудь повыше. Начальники полиции владеют иногда важными тайнами, от них зависит честь какой-нибудь могущественной семьи. В этих случаях нужно уметь закрыть глаза и держать язык за зубами, без этого вас безжалостно принесут в жертву высшим соображениям, перед которыми ваша ничтожная персона представляет величину, далеко не значительную... Я не думаю, чтобы Фроле был способен злоупотреблять тайной, известной, благодаря его служебному положению, только ему одному, но раз затронут его интерес, он мог вполне дать понять цену своего молчания, его идея

фикс была в том, что он хотел умереть в звании советника, и, благодаря этому, дело могло принять такой скверный оборот. Не далее, как двадцать четыре часа тому назад, он, подмигнув, сказал мне: «Люс, на этот раз дело должно выгореть, так как отказать мне, уже давшему, невозможно!» Что мог дать несчастный Фроле или, вернее, заставить купить, как не его молчание? Не понимая всей тщетности, безумия подобной мечты, он стал чересчур настаивать, — и его заставили исчезнуть!..

Но в таком случае, насколько же важно было дело, если послужило мотивом подобной связки? Вот и я замечтался в свою очередь и забавляюсь сочинением целого романа из приключения, разгадка которого через несколько минут будет у меня в руках.

Рассуждая подобным образом, Люс ходил из угла в угол по кабинету, ожидая возвращения двух агентов, сопровождавших тело Фроле в больницу при префектуре, так как он не мог начать поисков без них...

Вдруг его взгляд был привлечен какой-то светящейся точкой, блестевшей в нескольких шагах от него на ковре. Схватить привлекший его внимание предмет было делом одного мгновения. Можно представить его удивление, когда в руках у него очутилась великолепная запонка с бриллиантом, стоимостью по крайней мере в 5 — 6 тысяч франков... Подобная драгоценность не могла принадлежать Фроле или кому-нибудь из побывавших сегодня вечером в кабинете начальника полиции безопасности, за исключением, однако, префекта, но Люс немедленно отверг это предположение, потому что де Вержен, помогая доктору, приводившему в чувство Фроле, снял свои манжеты, чтобы не запачкать их в крови несчастной жертвы. Для этого ему пришлось отстегнуть запонки, которые он положил на некоторое время на стол, и Люс отлично видел, что они были перламутровыми, с графским гербом фамилии де Вержен. В таком случае откуда же появился этот бриллиант?

Со своим полицейским чутьем помощник не долго раздумывал над этим затруднением, решив, что бриллиант мог принадлежать только убийце Фроле, если, однако, не был найден у какого-нибудь мошенника и передан своему начальнику нашедшим его агентом. Но это последнее предположение, впрочем, мало вероятно, так как драгоценная вещь была бы положена в более безопасное место, было окончательно отвергнуто после просмотра списка, в который немедленно заносились все подобного рода вещи под двойную расписку агента, передавшего ее, и начальника, принялшего ее: в этом списке не было никаких упоминаний о бриллианте.

— Это весьма важно, — задумчиво продолжал Люс, — мои предположения гораздо ближе к действительности, нежели я полагал!.. Во

всяком случае, что-то говорит мне, что дело это не так просто, как кажется сначала... И я боюсь, как бы не удалось убийце ускользнуть из наших рук... Как знать, если даже де Вержен?.. Это было бы ловко! Но, если это не первый раз, было бы видно... во всяком случае, будем действовать осмотрительно и осторожно!

В это время вошли два старших агента с доктором Бурдоном, который вернулся для составления донесения.

Люс попросил доктора выполнить эту формальность в канцелярии префекта, затем, поставив часового у обеих дверей кабинета начальника полиции, тотчас же занялся расследованием, в успех которого он уже не столь верил, По уходу дежурной бригады, агентов, редких чиновников, живших в здании префектуры, и слуг префекта, громадный дом, такой оживленный днем, мало-помалу опустел, и жуткая тишина воцарилась теперь в длинных коридорах и темных его проходах, по бокам которых находились многочисленные бюро различных отделений полиции.

Люс не оставил не осмотренными ни одного закоулка, ни одного шкафа или камина, а для того, чтобы предполагаемый убийца не мог скрыться в части здания, которая была уже осмотрена, были поставлены часовые на каждом перекрестке коридоров и у каждой лестницы. Начавшись г подвалов и погребов, розыски закончились в мансардах, не дав никаких результатов, оставалось осмотреть только частную квартиру префекта. Глубокое разочарование можно было прочесть на лицах агентов. В самом деле, было мало вероятно чтобы убийца осмелился проникнуть в хорошо освещенную часть здания, где было много народа, и где он не мог бы сделать ни одного шага, не рискуя встретить кого-нибудь,

Предупрежденный о неудаче поисков, де Вержен, казалось был очень взволнован этим, так что Люс не мог удержаться, чтоб не пробормотать сквозь зубы:

— Если только начальник знает эту тайну... надо сознаться, что он великолепно играет свою роль. — Префект сам сопровождал отряд агентов по всем своим комнатам, хотя заранее был уверен в безопасности поисков, приказав уже сделать этот обыск своей прислуге, но он хотел, чтобы Люс сам убедился в этом, и дело было оформлено официальным донесением: на все могла обрушиться злоба публики, и достаточно какой-нибудь безделицы, чтобы вызвать целое движение, карикатуры не замедлили бы появиться в этом случае, изображая убийцу сидящим в кухне префекта, в то время как агенты устраивали на него охоту где-нибудь в подвале.

Оставалось осмотреть только еще одну комнату — гостиную, где была семья де Вержен...

— Я думаю, бесполезно беспокоить дам, — сказал помощник, — убийца, конечно, не осмелился бы проникнуть в комнату в их присутствии!

— Преступление уже было совершено, когда мы вернулись из оперы, мой дорогой Люс, — ответил де Вержен, — и я настоятельно просил бы, чтобы ни одна комната из моей квартиры не осталась вами неисследованной!

Помощник поклонился и вошел вслед за префектом. Жена и дочь префекта, молодая девушка лет 18-ти, были не одни, с ними спокойно разговаривал какой-то стариk с умным и красивым лицом и мощной фигурой, хотя ему было уже за шестьдесят лет.

Заметив его, Люс невольно вздрогнул, ему казалось, что он видит его не в первый раз, у него мелькнула мысль, что этот человек мог играть некоторую роль в убийстве начальника полиции. Но прежде, чем он успел восстановить свои воспоминания и обдумать эту мысль, голос префекта, представившего его и бригаду своему тестю, де Марсэ, советнику Кассационного суда, разом уничтожил едва мелькнувшую было догадку.

Всякое подозрение об участии старика в только что совершенном преступлении тотчас же улетучилось из головы Люса, но зато имя советника показало ему, что он не ошибся, когда вспомнил, что когда-то видел его раньше.

— Де Марсэ! Де Марсэ! — бормотал он. — Какая встреча после тридцатилетнего перерыва! Это, несомненно, он! Но захочет ли он узнать меня?.. Да! Если бы он был не виновен в том, что случилось с моим бедным братом... О! Нужно узнать наверное... так как тогда, значит, сало небо избрало меня судьей...

Он не мог более рассуждать с самим собой, так как по окончании представления старый судья обратился к нему с замечанием по поводу совершившегося убийства.

— Это весьма печальное для всех событие произведет ужасное впечатление на такую публику, как в Париже.

— Особенно в связи с неудачей наших поисков! — отвечал Люс, бросая на де Марсэ взгляд, полный немых вопросов о прошлом.

Тесть де Вержена, по-видимому, ничего не понял и с полнейшим хладнокровием продолжал:

— Каким образом вы объясните, что, несмотря на все принятые предосторожности, убийца мог ускользнуть из префектуры?

— Никак не объясню, господин советник! Невозможно, чтобы убийца мог идти быстрее телеграммы, и, вопреки общему убеждению, я полагаю, что он не мог скрыться отсюда... Впрочем, мы имеем официальное

доказательство, что он тщетно пытался выйти.

— У вас есть это доказательство? — с живостью воскликнул старик, что не ускользнуло от внимания Люса.

«Черт возьми! — думал он, — вот субъект, который ни за что не хочет узнать меня, несмотря на мои знаки и вопросительный взгляд! Однако, он не мог забыть меня, а с другой стороны, мне кажется, что он проявляет живейший интерес к бегству убийцы... посмотрим... ничто меня не разубедит, что Фроле убит не с какой-нибудь простой, обычновенной целью».

Все эти мысли промелькнули в голове Люса с быстротой молнии, и медленность, с которой он ответил на вопрос де Марсэ, была почти незаметна.

— Да, господин советник, — сказал он, — у нас имеется это доказательство, и вы можете сами судить об его весомости: двое из наших агентов, бывших на постах, заявили, независимо друг от друга, что спустя немного времени, по получении приказа о воспрещении выхода, какой-то незнакомец пытался выйти из здания через обе маленькие дверцы, находящиеся в его восточной части, и стремительно бросился обратно, встретив неожиданное препятствие... Несомненно, этот человек — убийца, которого мы ищем!.. Это еще не все, случай доставил в мои руки другое указание, чрезвычайной важности для нас, полиции...

Люс, не докончил свою мысль. Слова застряли у него в горле при виде той сцены, которая с быстротой молнии, совершенно неожиданно разыгралась перед ним. Что же случилось?

Во время разговора с де Марсэ он вынул из кармана свой бумажник с целью передать де Марсэ, в качестве доказательства, бриллиант, найденный им около трупа Фроле, но запонка бесшумно скользнула на ковер так, что он этого не заметил, как и остальные присутствующие, внимание которых было всецело поглощено его рассказом, в это время дочь де Вержена вдруг быстро наклонилась к полу и радостно вскрикнула:

— Дедушка, вот ваша запонка, которую недавно столько искали!

В протянутой руке ее между розовыми и нежными пальчиками бесспорно сверкал великолепный бриллиант. Под влиянием сильного волнения, вызванного этими словами, Люс едва не выдал себя... Но, моментально оценив всю важность разыгравшейся перед его глазами сцены, он понял, что прежде всего на его лице не должны отражаться волновавшие его чувства. Никогда, за всю свою долгую полицейскую службу, он не был в таком критическом положении, может быть, несмотря на то, что он обладал страшной силой воли, он все-таки стал бы

реагировать на эту сцену, если бы госпожа де Вержен, вмешавшись в разговор, не дала ему времени прийти в себя и учесть исключительное значение происшедшего инцидента.

— Это, конечно, одна из тех двух запонок, которые мы подарили моему отцу в день его именин, — сказала она, осмотрев бриллиант, взятый ею из рук дочери, — впрочем, их легко сравнить, — прибавила она, протянув запонку старому советнику.

Последний без малейшего колебания взял вещь в руки и прикрепил запонку к своим манжетам, проговорив самым естественным тоном:

— Бесполезно, дорогое дитя, этот бриллиант, очевидно, тот самый, который я потерял здесь сегодня вечером. Очень хорошо, что мы его нашли, не будем заставлять терять время этих молодцов, которое так ценно при их розысках...

Потом, обращаясь к помощнику, он сказал:

— Вы нам сказали, что открыли важное указание, которое должно навести вас на следы преступника, если я только правильно понял вашу мысль?

Этот вопрос, заданный с полнейшим хладнокровием, вернул Люса к действительности, теперь у него было лишь одно желание: покинуть скорей префектуру, пойти домой и спокойно обдумать события этого вечера, со времени сцены с бриллиантом, пролившей вдруг такой странный свет на это ужасное преступление, жертвой которого стал Фроле, Люс ничего уже не видел из того, что происходило в гостиной де Вержена, и употреблял все свои силы на то только, чтобы скрыть свои чувства и привести в порядок свои мысли, несущиеся как сухие листья, гонимые бурей по пыльной дороге. Обрадованная находкой семья префекта не обращала никакого внимания на окружающих, и даже де Вержен, знавший цену запонки, потерянной в тот вечер его тестем, на минуту перестал казаться таким озабоченным, каким все время был после дерзкого преступления, виновник которого, казалось, окончательно ускользнул из префектуры.

Только один из присутствующих, старый бригадир по имени Гертлю, которого Люс сделал своим поверенным с тех пор, как стал помощником начальника полиции, заметил необыкновенное волнение, охватившее последнего, когда дочь префекта нашла бриллиант своего дедушки. Однако, связь между двумя этими фактами совершенно ускользнула от него. И только как старый сыщик, привыкший постепенно укладывать в своей памяти все события, даже самые маловажные, если он не знал их разгадки, Гертлю решил сохранить в своей памяти и эти два обстоятельства,

группируя их вокруг факта, занимавшего в это время все умы — убийства Фроле, хотя, казалось, они не имели никакого отношения к этому преступлению.

За время его продолжительной службы так часто случалось распутывать и обнаруживать связи таких фактов, которые, казалось, не имели ничего общего между собой что он не отчаялся найти в один прекрасный день точку их соприкосновения.

Люс, понемногу пришедший в себя, понял, что он должен был без дальнейших окольностей ответить на вопрос старого судьи, так как он сам вызвал его, утверждая, что собрал важные показания, которые могли бы навести на след преступника... Но что сказать? Он не видел выхода из создавшегося положения! Говорить о бриллианте было невозможно, так как это значило бы явно обвинять тестя де Вержена в убийстве Фроле, не имея других доказательств. Бесполезно было бы утверждать, что запонка была им найдена около трупа начальника полиции безопасности и выскользнула из его бумажника в тот момент, когда он собирался ее передать префекту, так как все видели, что бриллиант, потерянный в гостиной, был найден на глазах у всех дочерью де Вержена, и показания Люса могли бы обратиться против него же. А затем, как заставить поверить, что советник Кассационного суда мог быть виновен в подобном преступлении? Допустить даже, что было бы доказано, что бриллиант был действительно найден в кабинете Фроле, можно ли было вывести из этого доказательство, особенно имея в виду общественное положение владельца этой находки? Тестя де Вержена теряет в здании префектуры запонку, весьма ценную, и ясно, что он не может указать точного места, где он ее потерял, заметил он это в гостиной, но самый факт потери мог произойти в коридорах, на лестнице, так же как и в частной квартире префекта. Далее, разве не могло случиться, что Фроле нашел этот бриллиант, проходя в свой кабинет распорядиться сформированием ночной смены, и не имел уже времени осведомиться о владельце этого драгоценного камня вплоть до события, жертвою которого был он сам?

В самом деле, невозможно, чтобы обвинение в убийстве основывалось на таких данных!..

Не переставая все-таки подозревать, что де Марсэ играл некоторую роль в таинственном убийстве начальника полиции, Люс, под влиянием сильного впечатления, произведенного на него сценой с бриллиантом, стал более критически относиться к фактам и понял опасность своего положения, если бы по одному только подозрению, формально ничем не подтвержденому, он вступил бы в борьбу с де Марсэ на глазах у префекта

полиции, его зятя. Советнику Кассационного суда можно было бы предъявить обвинение, лишь имея в руках солидные доказательства и, хотя его полицейское чутье говорило, что он их найдет, если они существуют, в данный момент этих доказательств у него не было. Ясно, что бриллиант де Марсэ не перенесся сам в кабинет несчастного Фроле, кроме того, расспрашивая часовых, Люс убедился, что начальник полиции был уже более получаса в префектуре, когда де Марсэ вошел туда через главный подъезд, это обстоятельство вовсе исключало высказанное ранее предположение, что Фроле мог найти бриллиант. Но всего этого хотя и было достаточно, чтобы служить основанием дальнейшего следствия, которое собирался производить Люс, разлетелось бы, как дым, если бы пришлось составлять настоящий обвинительный акт.

Положение было довольно странное. Не обменявшихся ни одним словом, указывающим на их настоящие чувства, о которых никто из присутствующих не подозревал, эти два человека стали заклятыми врагами: ненависть их основывалась на старых воспоминаниях, тайну которых никто не знал точно так же, как и о подозрениях по делу Фроле. Один де Марсэ инстинктивно чувствовал, что они зарождаются в голове Люса, отсюда понятно желание советника заставить помощника начальника полиции высказаться, чтобы знать, в чем состояли эти доказательства, на которые намекнул Люс. Со своей стороны, помощник решил молчать о преступлении, совершенном в префектуре, в отместку де Марсэ за его упорное нежелание вспомнить старые отношения.

Де Марсэ настоящего не боялся, однако, расследование, ведущееся таким ловким полицейским, как Люс, могло обнаружить в его прошлом темные стороны, чего он так и страшился. Он хотел прежде всего знать, намерен ли Люс затеять с ним серьезную борьбу! Во время разговора после сцены с бриллиантом он нашел желанный случай заставить помощника рассказать о тех важных указаниях на след убийцы, о которых тот говорил.

Вопрос был так ловко поставлен Л юсу, что его поддержал и де Вержен, так что помощник почувствовал, что тут кроется западня. Бросив на своего противника взгляд, означающий: «Я ровно ничего не скажу, и вы ничего не узнаете», он с полнейшим хладнокровием ответил:

— Ах, господин советник, вы придали чересчур важное значение моим словам, которого они не заслуживают на самом деле. Я сделал только некоторые более или менее гипотетические выводы, как это мы, представители полиции, имеем привычку всегда делать, когда сталкиваемся с преступлением, первое расследование которого не привело ни к чему. К тому же, зачем вам знать простые предположения, которые, может быть,

никогда и не оправдаются?!

— Вы говорили не о предположениях, Люс, — отвечал судья тоном человека, готовящегося уничтожить своего противника, — а об указаниях чрезвычайной важности, по вашему собственному выражению, которое еще в памяти у всех. Я должен вам заметить в таком случае, что таинственные обстоятельства, при которых было совершено убийство Фроле, место, где оно произошло, ловкое бегство преступника, так как продолжаю думать, что ему удалось бежать, — одним словом, все обязывает вас сказать, что вы открыли, ибо вы, по вашим собственным словам, открыли что-то важное. Подумайте хорошенько, что ваше молчание в этом случае дает право делать всевозможные предположения, вплоть даже до соучастия!

Де Марсэ был большой мастер спорить. Поставив Люса в такое положение, что тот должен был либо объясниться, либо признаться, что прежние его слова были сказаны просто на ветер, де Марсэ наносил ему ловкий удар, который неминуемо должен был уронить его в глазах де Вержена и закрыть дорогу на пост начальника полиции безопасности, которого он так долго добивался. Будучи помощником, Люс не был бы так опасен.

Все было бы хорошо, и Люс отлично чувствовал уже значение тактики, принятой его врагом, когда вдруг, увлекшись своими доводами, де Марсэ испортил все дело сорвавшимся с его языка злополучным обвинением в соучастии.

— Попался!! — подумал Люс и, не дав ему времени исправить неблагоприятное впечатление, произведенное его выражением, встал, бледный и дрожащий, великолепно разыгравая роль оскорбленного и обращаясь к де Вержену, уже жестом высказавшему протест своему тестю, сказал глубоко взволнованным, дрожащим голосом:

— Господин префект, я служу уже более тринадцати лет в учреждении, начальником которого вы состоите! Посмотрите мой формуляр, отзывы, данные обо мне вашими предшественниками и лично вами, и скажите господину советнику, что за свою долгую службу я не только никогда не заслуживал наказания или выговора, но даже одиннадцать раз получал благодарность в приказах, имею семь медалей и крест Почетного Легиона... Если, посвятив всю свою жизнь защите общества, я сам подвергаюсь на ваших глазах, господин префект, безнаказанному подозрению в соучастии в преступлении, совершенном в эту ночь, то мне остается лишь подать в отставку и, вернувшись к себе домой, ждать приказа судебного следователя явиться в суд.

Последние слова, казалось, были произнесены с трудом, и Люс закончил свою речь рыданиями так естественно, что ему позавидовал бы любой актер. Гертлю, сжав от бессильной ярости кулаки, плакал, глядя на скорбь своего начальника. Префект был глубоко тронут горем одного из своих старых и самых верных сотрудников и поспешил успокоить его.

— Ну, мой дорогой Люс, вы плохо поняли смысл слов моего тестя: он вовсе и не собирался обвинять вас! Де Марсэ хотел только выразить общую мысль, что всякий чиновник полиции, который не заявил бы, если он знает что-нибудь о событиях этой ночи, мог бы заслужить упрек в соучастии только в моральном смысле... Верьте, мой дорогой Люс, что такова была его мысль, я же, со своей стороны, не допускаю и тени сомнения в вашей корректности.

— Благодарю вас, господин префект, — отвечал Люс, печально покачав головой, — за ваше доброе желание залечить мою рану... Удар поразил меня прямо в сердце и заставил меня глубоко страдать! Благоволите, господин префект, теперь разрешите мне уйти со своими людьми. Так как все розыски до сих пор были безрезультатны, то мне крайне необходимо принять некоторые меры, которые могли бы способствовать обнаружению виновного.

— А вот это, — отвечал префект, протягивая ему пакет, — увеличит ваш авторитет и будет способствовать успеху всех ваших начинаний!

— Это наряд, господин префект? — спросил Люс.

— Нет, мой друг, — отвечал, улыбаясь, де Вержен, — это назначение вас начальником полиции безопасности, которое я только что подписал!

— Как, господин префект, вы удостоили!.. — вскричал Люс вне себя от радости и удивления.

— Да, несмотря на свое прежнее решение, я думал, что такой ответственный пост не должен оставаться незанятым, кроме того, я не хотел, в знак своего доверия к вам, заставлять вас ждать этого назначения, на которое вы имели право даже ранее этого несчастного Фроле... При его назначении чувствовалось чье-то сильное влияние, которое оказывалось за какие-то старые долги, по крайней мере, я так слышал, так как тогда сам еще не был префектом.

— И вы не ошиблись, господин префект, — прервал Люс, — председатель Кассационного суда старался отблагодарить Фроле за одну громадную услугу, которую тот оказал ему когда-то в весьма важном деле, разгадка которого была известна лишь им двоим и Жаку Лорану, прежнему начальнику полиции безопасности.

При этих словах Люс перевел вопросительный взгляд на де Марсэ, но

старый судья и глазом не моргнул.

«Он упорно не желает признавать меня, — подумал Люс. — Ну, посмотрим! » — и громко продолжал. — Это таинственное приключение известно тем, кто в нем замешан, под названием «дела о преступлении на мельнице Д'Юзор», которое было возбуждено в свое время, если память не изменяет мне, молодым судебным следователем из провинции, только что переведенным в Париж, — я не помню его имени, — но который едва не лишился места и даже... жизни! Произнеся эти слова, Люс успел заметить быстро мелькнувшую дрожь на лице старого судьи, но и только... Если де Марсэ и играл какую-нибудь роль в этом таинственном приключении, то, очевидно, он хотел, чтобы эта роль была забыта и совершенно исчезла из его прошлого!.. Люс так и понял его и уже не делал более попыток в этом направлении, но остался убежденным, что он не обманулся и что старый советник Кассационного суда де Марсэ тридцать лет тому назад был именно тот молодой судебный следователь де Марсэ, который запутался вместе с ним в деле о преступлении на мельнице Д'Юзор, и где оба едва не поплатились жизнью.

В то время, несмотря на разницу положений судебного следователя Сенского суда и простого полицейского надзирателя, молодые люди, которых смерть уже готова была свести в одну братскую могилу, поклялись в вечной дружбе в тот самый день, когда их спас знаменитый Жак Лоран, бывший тогда уже в отставке. С тех пор они уже не виделись, так как на другой же день после этого смелого предприятия Люс был назначен старшим приставом в Кайенну, где он оставался двадцать лет, а де Марсэ уехал простым судьей в Клермон. Но в то время, как наш пристав был забыт в Кайенне, де Марсэ, благодаря всемогущей протекции герцога де Жерси, председателя Законодательного Корпуса и крестного отца его жены, не замедлил вернуться в Париж, где ему снова дали место судебного следователя.

Мы должны сказать, что первым побуждением де Марсэ было позаботиться о своем товарище по несчастью. Люс был моложе его на 5 — 6 лет (де Марсэ едва исполнилось тридцать два года). По прибытии в Париж, он поспешил к своему покровителю, чтобы ходатайствовать о судьбе бывшего полицейского надзирателя, но с первых же слов старик расхохотался ему прямо в лицо, и так как судья настаивал, говоря о благодарности, о перенесенных вместе опасностях, то герцог ему сказал:

— Дорогой мой, вы наивны, и я извиняю вас потому, что вы явились прямо из провинции. Иначе бы вы знали, что кредит председателя Законодательного Корпуса, как и всякая биржевая ценность, исчерпывается

с оплатой последнего счета... В общественной жизни, мой дорогой де Марсэ, запомните это хорошенько, все имеет относительную цену и приобретается либо упорным трудом, работой, либо протекцией. Когда вы прибегаете к этому последнему способу и просите о том, что не приобретено вами первым, то было бы справедливо, если бы вы заплатили за сравнильную легкость этого способа, я просто плачу моим кредиторам, а не оказываю услуг... Вы — другое дело, так как вы — муж моей прелестной крестнице!, которую злые языки называют даже моей дочерью, и потому мое влияние, протекция всецело распространяются и на вас, но только на вас, для других же никогда ничего не просите у меня...

Судебный следователь, находя этот разговор немножко циничным, не стал разубеждать старика и кончил тем, что перестал заниматься Люсом, который, со своей стороны, охладел к нему за его молчание и прекратил всякую переписку... Им пришлось встретиться лишь тридцать лет спустя у де Вер жена. Люс был уже помощником начальника полиции безопасности, зрелым мужчиной, полным еще сил, несмотря на свои пятьдесят два года, а де Марсэ уже стоящим на пороге старости, хотя и бодрым еще. Если бы между этими двумя людьми не стояло больше ничего, кроме долгого забвения друг о друге, они могли бы, несмотря на разницу общественного положения, обменяться рукопожатием и с удовольствием поговорить о своем прошедшем, за которое ни тому, ни другому нечего было краснеть, хотя пылкие мечты молодости и заставили их когда-то играть, не подозревая того, честью и покоем двух могущественных фамилий... Но со стороны де Марсэ было кое-что большее, чем простое забвение: обладая черствым сердцем и ненасытным честолюбием, он согласился при обстоятельствах, о которых мы узнаем несколько позже, на такие преступные комбинации, которые облекли семейство Люса в траур и повергли его в отчаяние и нищету...

Помощник начальника полиции до сих пор не мог собрать никаких доказательств против де Марсэ и упорно отказывался верить в виновность последнего, но преднамеренное молчание, которое хранил де Марсэ с редким упорством в гостиной префекта полиции, внезапно открыло ему глаза, и Люс уже почти более не сомневался, что перед ним стоит негодяй, которому он обязан разорением и бесчестием своей семьи, тем более, что случай с бриллиантом возбудил в нем сильное подозрение в причастности судьи к гнусному убийству начальника полиции.

Назначенный, наконец, на пост, которого так долго жаждало его честолюбие, Люс был особенно счастлив в тот день потому, что эта должность давала ему возможность добраться до первоисточника того

гнусного заговора, который был составлен против его брата и виновникам которого удалось, благодаря чьему-то могучему влиянию, несмотря на все розыски, все-таки замести следы. Затем, он так долго верил в беспристрастное решение суда, что только необъяснимое поведение его старого друга де Марсэ могло вызвать подозрение, что уважения к решению правосудия у него уже давно нет.

Странное дело, его враги решили отклонить его кандидатуру на пост начальника полиции, когда эта должность была вакантной, и в то же время прежде, нежели они узнали об этом, неосторожность злайшего из них и порыв великодушия де Вержена сделали то, что Люс получил власть тем более опасную, что она соединялась почти с бесконтрольной свободой действий. Де Марсэ прекрасно понимал опасность подобного назначения, но решение его зятя было принято и исполнено так быстро, что у него не было времени воспротивиться этому. Однако, он дал себе слово после ухода Люса употребить все свое влияние на де Вержена, чтобы заставить его отменить свое решение. Со своей стороны, Люс, читавший мысли своего противника, поспешил откланяться, чтобы скорее пойти, бросив все дела, и поместить приказ о своем назначении в официальной газете, печатавшейся каждую ночь и сделать таким образом отмену приказа уже невозможной. Это странное положение двух людей, тридцать лет тому назад расставшихся самыми искренними друзьями и затем встретившихся врагами, послужило началом той таинственной и мрачной драмы, которая описывается на этих страницах.

Расставшись, оба врага уже не сомневались в своих взаимных чувствах: оба были убеждены, что борьба начнется немедленно, борьба безжалостная, беспощадная, и оба спешили нанести первые удары.

Возвращаемся к рассказу.

Назначение Люса прекратило всякие споры, и новый начальник полиции безопасности получил от префекта приказ пустить в дело лучших сыщиков, не жалеть ни их, ни самого себя, лишь бы напасть на след убийцы Фроле.

Обыск в здании префектуры и объяснения, происходившие в гостиной префекта, заняли гораздо меньше времени, чем это можно бы подумать сначала. В тот момент, как новый начальник полиции безопасности уходил от де Вержена, последний сделал ему знак следовать за собой в кабинет. Там, предварительно уверившись, что никто не может их слышать, префект указал ему кресло и начал взволнованным голосом:

— Ну вот, Люс, ваше заветное желание исполнилось, но я боюсь, как бы ваше назначение на так давно желаемый пост не означало опалу для

меня!

— О, господин префект!.. За справедливость, которой я жду более пятнадцати лет?..

— Вы меня не поняли, Люс, дайте мне объяснить это. Мне нечего бояться за ваше назначение, хотя этот пост крайне завидный, и к тому же против вас многие влиятельные лица, назову только одного из ваших врагов, герцога де Жерси...

— Председателя Законодательного Корпуса?

— Его самого. Хотя и очень сильное влияние, я говорю, было пущено в ход уже заранее с целью вас обойти, я уверен в поддержке министра. Не далее, как дней восемь тому, после нашего последнего дела, в котором вы имели такой блестящий успех, тогда как полиция всей Европы не могла ничего поделать, он сказал мне, что, во избежание всякого соперничества, решение, которое я принял бы для увольнения в надлежащий момент Фроле в отставку, должно быть одновременно и решением на ваше назначение, которое он назвал актом восстановления справедливости... Вы видите, мой дорогой Люс, что мне нечего бояться факта вашего назначения. Только вот вы не знаете, что мое положение и даже положение моей семьи сильно поколеблено.

— Это невозможно, господин префект.

— Однако, это так, мой дорогой Люс!

— Боже мой, в пользу кого же?

— Моего шурина.

— Поля де Марсэ, первого заместителя главного прокурора?

— Его самого. Его отец, которого вы только что видели, мечтает об его блестящем и высоком назначении.

— Сколько ему лет?

— Около тридцати двух.

— Да, так и должно быть. Я вспоминаю в самом деле, что маленькому Полю было всего полтора года, когда его отец увлек меня заняться этим темным делом на мельнице Д'Юзор, имевшим такое ужасное влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

— Как! Тот молодой судья, о котором вы только что говорили?..

— Должен был стать впоследствии вашим тестем...

— Но он вовсе не производил впечатления, что узнал вас!

— Это правда, господин префект. Это дело еще не выяснено, и если об этом случае, но теперь не время говорить об этом!

— Вы правы — прервал перфект, угадывавший, на какой почве оно возникло. — Займемся моим делом.

— В тридцать два года быть первым заместителем главного прокурора и я Париже, — возразил Люс, — трудно представить, чтобы де Марсэ не был удовлетворен успехами своего сына!

— Однако, это так! Он сговорился с герцогом, который не отказывает ему ни в чем, сделать из него министра юстиции в ближайшие два-три года.

— Так! Простите мою смелость... но каким образом это может отразиться на вашем положении?

— Это я вам сейчас объясню. Карьера Поля делалась так стремительно, что трудно себе представить. В короткое время он занял один из самых видных постов в министерстве. Но все же герцог не может говорить о нем во дворце, как о будущем хранителе государственной печати, прежде, чем тот не сделается главным прокурором, а это затягивает выполнение их честолюбивых замыслов на довольно продолжительное время. Вот, и было решено обойти это затруднение.

Если традиция и обычай не позволяют сделать хранителя печати из заместителя прокурора, то вопрос становится совершенно безразличным, когда дело идет о префекте полиции.

— А, понимаю! — вскричал Люс.

— Они решили между собой, что я должен подать в отставку в интересах семьи. Поль занимал бы, став префектом полиции, мое место и квартиру до тех пор, пока не переедет с Дворцового бульвара в дом министерства юстиции. С этого времени мне соблаговолили бы вернуть мое место, Прежде чем открыть мне этот проект, председатель Законодательного Корпуса хотел привлечь на свою сторону министра внутренних дел, моего непосредственного начальника, но с этой стороны встретил непреодолимое препятствие. «Никогда! — сказал ему статс-секретарь, — я не уволю де Вержена от службы, которую он несет так великолепно, что все довольны, этот префект, за те десять лет, которые он состоит на этом посту, делал прямо чудеса: неоднократно попадавшиеся преступники удалены из Парижа, предместья очищены от толпы, с которой приходится иметь дело правосудию, от каторжников, ставших свободными по окончании ссылки, от всевозможных мошенников, наводнивших эти предместья. Весь этот грязный и преступный мир сутенеров, уличных женщин энергично преследуется, на него делаются облавы, и спокойствие в Париже ночью обеспечено так же, как днем. Наконец, отборный персонал, которым он окружил себя, не оставляя безнаказанным ни одного преступления — вот что сделал этот чиновник, которого вы просите меня уволить в отставку, так как у меня нет в распоряжении другого соответственного поста, который бы я мог предложить ему, да он и не

принял бы его в подобном случае. Это невозможно, мой дорогой герцог, я предпочту сам подать в отставку, нежели согласиться обойтись без его услуг... » и т. д.

— Вы видите, мой дорогой Люс, как сильно заступался за меня министр. Несмотря на это, герцог не чувствовал себя побежденным. Он пришел ко мне с целью просить меня подать в отставку, представляя те резоны, которые я вам только что сообщил, и, так как я отказался, он не постыдился мне сказать, что силою добьется моей отставки и победит упорство самого министра при помощи других сановников... Вчера, мой дорогой Люс, я его не боялся, но положение сильно изменилось за эти двадцать четыре часа...

— Каким это образом, господин префект?

— Вы не понимаете, какие последствия будет иметь для меня смерть Фроле?

— Конечно, ваши враги не упустят этого случая, но обвинять вас в этом преступлении они не могут.

— Да! Но они поставят мне в упрек, что убийца не задержан, тем более, что преступление совершено в здании префектуры, среди такого громадного количества всевозможных высших и низших агентов.

— Именно это обстоятельство, указывающее на место преступления, и многочисленность агентов, здесь находящихся, должно вас оградить от упреков в небрежности и неспособности.

— Вы хорошо знаете, Люс, к каким невероятным ухищрениям прибегают люди, когда задеты их интересы или страсти. Конечно, борьба не будет направлена ни против бригады агентов, ни против вас, особенно вас, про которого Жак Лоран сказал, что после него вы первый гениальный чиновник полиции, но они будут утверждать, что если бы я не парализовал вас, желая взять на себя инициативу поисков, убийце не удалось бы бежать... Вы не видели, как зло усмехнулся мой тесть, когда говорил о том вреде, который мне принесет это бегство...

Как бороться против нападок прессы, моей семьи и герцога де Жерси, выступивших вместе против меня?..

Под давлением общественного мнения я получу приказ или найти убийцу в сорок восемь часов, или подать в отставку. А мне нельзя, слышите, Люс, нельзя в настоящее время уйти со службы в префектуре.

Произнося эти слова, де Вержен понизил голос, с беспокойством оглядываясь кругом, как бы боясь, чтобы какой-нибудь шпион не услышал его. Лоб его покрылся каплями холодного пота, лицо приняло странное выражение, испугавшее Люса.

— Что с вами, господин префект? — сказал он с искренним участием. Префект быстро пришел в себя.

— Я ничего вам не могу сказать, Люс, — ответил он, — это тайна, которая касается чести и даже жизни самых старинных фамилий Франции, принадлежит не мне, и открытие ее повлекло бы за собой самые ужасные и роковые последствия.

Однажды герцогиня де Ла М. пришла ко мне и бросилась как безумная к моим ногам с криком: «Спасите меня! Спасите нас, господин де Вержен, или я на ваших и глазах приму яд! » В руках несчастной был маленький флакончик с синильной кислотой, который она судорожно сжимала в правой руке, и который двадцать раз мог он выпить прежде, чем можно было помешать этому безумию...

Что делать? Поддавшись первоначальному чувству жалости, я, к несчастью, обещал ей и в продолжение трех месяцев вел скрытую борьбу с судебным следователем, двумя комиссарами, командированными по этому делу, и частью вашей бригады, Люс, для того, чтобы свести на нет следствие, ведущееся по приказанию главного прокурора.

— Возможно ли, господин префект?

— Вполне, мой дорогой Люс... Могу вам даже сказать, что я был удостоен одобрения в высших сферах, в чем я вполне уверен, но нужно довести дело до благополучного конца, а иначе, как легко себе представить, я буду обесчещен и покинут.

— Всегда так бывает в подобного рода делах. Хорошо еще, если в случае неуспеха не будут смотреть, как на соучастника.

— Вот этого-то я и боюсь, Люс! Вы видите, что я во что бы то ни стало не должен уходить из префектуры.

— И вы не уйдете, дорогой иуважаемый наш начальник, если позволите применить эти эпитеты, свидетельствующие о нашей любви и преданности!

— Спасибо за ваше пожелание, Люс, за ваши добрые чувства, но если убийца Фроле не будет найден в продолжение сорока восьми часов, общественное мнение потребует моей отставки, а вы хорошо знаете, что в подобных случаях самая сильная власть принуждена бывает склониться перед его приговором.

— Я вовсе не о пожеланиях говорил, господин префект, а о твердой уверенности, которую и высказал вам: вы не уйдете со службы в префектуре, я вам за это ручаюсь!

— А кто сотворит это чудо, ибо это будет настоящее чудо — остаться мне на своем посту, несмотря на многочисленных врагов?..

— Я!

— Вы, Люс! — вскричал де Вержен, вне себя от удивления.

— Да, господин префект, я!

— Увы, мой бедный Люс, как ни верю я вашим словам, но если вы не найдете убийцу...

Люс, которому прежде всего нужно было успокоить префекта и обеспечить себя в том смысле, чтобы последний не парализовал его распоряжений, решился поразить его сразу, не раздумывая, что из этого выйдет, и потому немедленно прервал его словами:

— Убийцу! Я его нашел, господин префект.

Де Вержен подскочил на своем кресле и с таким видом смотрел на начальника полиции безопасности, как будто сомневался, говорит ли тот вполне серьезно.

— Да, — продолжал Люс, — прежде, чем префект пришел в себя от удивления, — с первой же минуты я понял, откуда направлен этот удар, и я мог бы арестовать убийцу, если бы не подумал, что, не застав его на месте преступления, лучше было бы арестовать его только тогда, когда будут собраны такие улики против него, которые он не сможет отрицать...

— Вы — прямо неоценимый человек, Люс, я верю вам, ибо вы никогда не лгали! Но почему о всех тех расследованиях, которыми вы занялись, вы до сих пор мне ничего не говорили?

— Вы слишком хорошо знаете условия успеха в нашем ремесле, господин префект, чтобы я не убедил вас в двух словах! Мы ни одной минуты не были одни, между тем безусловно необходимо, для успеха составленного мной плана, чтоб никто не мог подозревать, что убийца известен мне. В противном случае, негодяй навсегда ускользнул бы от того наказания, которое он заслужил... и заметьте, господин префект, я не могу утверждать, что он не избегнет его, но, по крайней мере, при известных, предложенных мною условиях, которые должны быть приняты, это будет именно так.

— Вы меня пугаете, Люс, насколько я могу вас понять, убийца Фроле не принадлежит к той категории обыкновенных, профессиональных мошенников, старающихся только отомстить за то, что их осудили...

— Вы правы, господин префект, если судить по тому, кто нанес удар, Фроле пал жертвой интриг очень высокопоставленных людей, цели которых я пока не вижу.

— А имя этого человека?

— Я не могу его открыть.

— Мне?

— Особено вам!

— Судя по тому обороту, который принял наш разговор, я ожидал этого!

— Умоляю вас, господин префект, не ставьте мне в вину мой отказ. Предположите, что в действительности это преступление было направлено против вас людьми, общественное положение которых так высоко, что против них вы ничего не можете сделать.

— Боже мой, Люс, что же здесь происходит, что вы мне говорите?

— Больше этого я уже не должен вам сообщать, господин префект... Вы еще настаиваете?..

— Нет, Люс! — ответил де Вержен, растроганный до слез... — Я предчувствую, предвижу, что во всем этом кроется страшная мерзость... Вы правы, лучше мне ничего не знать... и передать вам заботу о своей защите, если действительно на меня направлен удар.

— Вам нечего бояться, господин префект пока я жив, не тронут ни вас самого, ни вашего положения... Позвольте мне теперь уйти из префектуры, так как во что бы то ни стало и как можно скорее нужно приготовиться к удару, пока ещё весть не распространилась за пределы здания префектура.

— Еще одно слово, Люс, наш разговор так уклонился в сторону, что я готов был уже отпустить вас, не сказав вам самого главного из того, что я хотел сообщить.

— К вашим услугам, господин префект!

— Вы знаете, что у моего шурина была бурная молодость?

— Да, я даже знаю о нем такие факты, что, если бы они не были скрыты благодаря влиянию и кошельку старого герцога де Жерси, то довели бы его совсем не до того, чтобы занять место заместителя прокурора в суде.

— Это правда!.. Фроле, знавший по этому поводу очень многое, гораздо больше, чем я, и который угадывал планы герцога де Жерси и моего тестя относительно префектуры, собирался составить секретную— записку о Поле де Марсэ, которая должна была быть передана, кому следует в надлежащий момент с целью отклонить его кандидатуру...

— Это — дело!

— Так вот, эту самую записку Фроле из предосторожности не держал в префектуре, и вам нужно как-нибудь взять ее из квартиры, пока о смерти его еще не известно, и его бумаги не опечатаны, как это обыкновенно делается при оставлении начальником полиции безопасности своей должности.

— Это будет сделано меньше, чем через час!

— Охрану я вверяю вам...

— И озабочиться ее увеличением, если понадобится!

— Пусть будет так... Во всяком другом случае мне было бы противно прибегать к подобного рода средствам своей защиты, весь позор этой борьбы пал бы на нападающих — моего шурина и его покровителей, но я вам уже сказал, почему не могу уйти со службы из префектуры в данный момент... Сколько несчастья... Сколько смертей... Сколько безвозвратно погибших! Если бы только я не был здесь, не следил шаг за шагом за следствием, не наталкивал его на новые следы с целью запутать в них... Ах, это такое ужасное положение, Люс!

Де Вержен закрыл лицо обеими руками и некоторое время оставался погруженный в свои тяжелые размышления. Между тем Люс поднялся с целью уйти от своего начальника...

Время было дорого, и он уже решился прервать размышления де Вержена, как вдруг раздался легкий стук в дверь кабинета. Де Вержен, вздрогнув, тотчас же вскочил на ноги.

— Велите войти! — сказал Люс. — Это Серван, мой секретарь, которого я узнаю по манере стучать, когда он имеет что-нибудь важное сообщить мне... Боже мой, что-то мы еще узнаем!

Только что вошедший молодой человек был так бледен и возбужден, что префект и новый начальник полиции безопасности не могли удержаться от восклицания.

— Что с вами, Серван? Что еще случилось? — тотчас спросил де Вержен.

— Эта ночь — ночь преступлений, господин префект! — отвечал вновь прибывший. — Почти в тот же час и таким же кинжалом, каким был убит Фроле, зарезаны господин Пет Лендрю, нотариус и Трэнкар, крупный подрядчик, тес де Марсэ. Убийцы, покончившие с ними, пока они были ей в постели, не оставили после себя ни малейших следов. Пи лицейские комиссары, в участках которых жили убитые, составили уже протоколы и ждут господина префекта в моей канцелярии.

Новый удар был очень силен, так как Трэнкар, тестя де Марсэ, приходился дедом госпожи де Вержен. Несколько мгновений пораженный префект оставался недвижим. Однако, тотчас же пришел в себя: его первая мысль была о женщине.

— Госпожа де Вержен еще ничего не знает? — спросил он секретаря.

— Ничего, господин префект! Комиссары сообщили об этом только мне, но это еще не все, мне остается еще сообщить вам...

Молодой человек, казалось, колебался, говорить ли ему.

— Говорите же, Серван! — сказал ему де Вержен таким спокойным тоном, точно эти события были ему совершенно безразличны.

— Полчаса тому назад, — отвечал своему начальнику Серван, — Поль де Марсэ, ваш шурин, возвращаясь из театра к себе домой, ехал по набережной Сены, как вдруг он услышал, что его зовет какой-то молодой человек, элегантно одетый по последней моде, экипаж которого остановился около дома № 18 — важно заметить эту деталь. Де Марсэ, рассчитывая, несомненно, на встречу с одним из своих друзей, приказал своему кучеру остановиться и вышел из кареты, приблизившись без всякого недоверия к человеку, который его звал, в то же мгновение четыре человека, которых он не мог заметить за каретой, бросились на него и, предварительно заткнув рот и связав его с ловкостью специалистов этого дела, потащили в карету незнакомца, которая быстро покатила, в продолжение всей этой сцены незнакомец держал кучера де Марсэ в почтительном отдалении, имея в руках револьвер.

Этот кучер, бывший агент полиции, которого ваш шурин взял к себе именно благодаря его прежней службе, видя кругом пустынную набережную, старался не делать ни малейшего движения, но когда карета, увозившая его хозяина, стала подъезжать к Новому мосту, он бросился за нею, твердо решив позвать на помощь при первом удобном случае.

Последний не замедлил представиться.

На расстоянии около двухсот метров старший агент, в сопровождении четырех человек, делал обход вокруг Лувра. Паскаль (имя кучера) сильным прыжком обогнал карету, которую он не выпускал из виду, стал поперек дороги с целью остановить ее, и позвал этот маленький отряд к себе на помощь, сопровождая свои крики определенным свистом, хорошо известным среди агентов.

По первому требованию подбежавших агентов таинственная карета остановилась, но отрывистый и повелительный голос изнутри кареты потребовал объяснения этого странного инцидента... В нескольких словах Паскаль быстро объяснил, в чем дело, едва он кончил, как особа, находившаяся внутри кареты, вышла оттуда и обратилась к старшему агенту:

— Милостивый Государь, я дон Фернандо Д'Альпухара, Португальский посланник, и мог бы воспользоваться своими преимуществами лица, принадлежащего к дипломатическому корпусу, но я все слышал и хочу, чтобы этот добный малый, несомненно, изрядно заложивший за галстук, был вполне убежден, что я не прячу его господина в своей карете.

Звонкий, серебристый взрыв смеха, раздавшийся внутри кареты, сопровождал слова посланника, последний, сам взяв один из фонарей у кучерского сидения, осветил на минуту внутренность кареты, где сидела только одна молодая женщина, показавшаяся на мгновение присутствующим в волнах кружев, в бриллиантах, блистающая молодостью и красотой. Она грациозно приветствовала ее всем присутствующим, которые глубоко поклонялись, посланник занял свое место возле нее, и карета, запряженная кровным рысаком, не замедлила исчезнуть. Самое любопытное во всей этой истории то, господин префект, что кучер Паскаль настаивает, будто именно в этой карете исчез его хозяин и что он не мог ошибиться в экипаже, так как в этот час набережная бывает абсолютно пуста, старший агент и его люди, стоявшие уже около десяти минут у решетки Лувра, выходящего на набережную, "вполне подтверждают слова Паскаля, говоря, что за все время, пока они были на этом посту, мимо них не проезжало никакой другой кареты.

— Вот, господин префект, что я узнал из полученных донесений, в которых, ввиду странности происшествия, я считал, что не должен пропустить ни малейшей детали.

— Тайна! Все тайны! — бормотал де Вержен... — Еще два убийства, виновники которых не могли быть задержаны... Что же касается моего шурина...

— Не следует забывать того обстоятельства, — прервал Люс, — весьма странного, что обе жертвы были убиты таким же кинжалом, как и Фроле.

— Таким же кинжалом! — добавил Серван.

— Что вы хотите сказать? — спросил его префект. — Я вас не понимаю!

— Я хочу сказать, что нотариус и господин Трэнкар были убиты точно таким же орудием, каким был поражен и Фроле.

— Дело запутывается! — задумчиво проговорил Люс.

— А где же эти кинжалы? — спросил де Вержен.

— Я приказал их положить на вашем столе, вместе с кинжалом от несчастного Фроле, чтобы вы могли их сравнить.

— Идемте, господа! — коротко ответил префект. Подняв портьеру, он вышел в маленький коридорчик, соединяющий его частную квартиру со служебным кабинетом.

Уже беглый осмотр оружия подтвердил точность слов Сервана: клинки всех трех кинжалов, напоминающие своей формой пламя обычной свечи, имели весьма широкие основания и суживались к концам, чрезвычайно

солидно сделанные ручки были покрыты черной буйволовой кожей, посередине клинка до самого конца его шла маленькая бороздка, похожая на те, какие делаются на малайских кинжалах, предназначающихся для отравления ядом. Эта особенность тотчас же привлекла внимание Люса, жившего в Гвиане, он заметил в той части кинжала, которая не была в крови, какое-то вещество, похожее на смолу, взял частичку его на лезвие перочинного ножа и поднес ко рту. Присутствующие, среди которых были и два комиссара, с томительным любопытством следили за его действиями, не смея его остановить.

Пожевав несколько мгновений, Люс выбросил вещество, быстро выполоскав рот водой, которую на всякий случай держал де Вержен, и, поставив в сторону стакан, сказал глухим голосом:

— Господа, это куаре, самый сильный из известных ядов, в том смысле, что против него нет средств. Его добывают из желез некоторых, самых ядовитых змей тропических стран*[note 1](#), его можно глотать без риска: желудок, сам уничтожит его в процессе пищеварения, как питательное вещество. Но горе тому, в кого он попадет через рану или когда ужалит змея. Яд проходит в кровь, и смерть наступает моментально. В данном случае он смешан с небольшим количеством древесной смолы, что делает наступление смерти более медленным, хотя также неизбежным. Этим и объясняется, почему Фроле мог жить еще около получаса, а его агония продолжалась лишь несколько мгновений.

Все эти подробности, как легко себе представить, повергли экспромтом собравшийся под председательством префекта совет в полнейшее недоумение. Каждый из присутствующих задавал себе вопрос, какое соотношение могло существовать между этими тремя таинственными убийствами, совершенными почти в один и тот же час и с помощью оружия, настолько сходного между собой, что их невозможно было отличить друг от друга. Однако, удивление присутствующих сменилось прямо столбняком при виде того несомненного доказательства связи, существовавшей между этими тремя преступлениями, которое у них оказалось в руках.

Люс, продолжавший свой осмотр, вдруг так вскрикнул от удивления, что думали сначала, не ранил ли он себя оружием, которое держал в руках.

— Ради Бога, что с вами? — вскричал де Вержен, погруженный, как и другие, в свои думы.

— Читайте! — просто ответил начальник полиции, указывая на три кинжала, положенные горизонтально один подле другого. Префект не мог удержаться, чтоб не вздрогнуть всем телом.

Он прочел только одно слово, ужасное по своей лаконичности, выгравированное на каждом клинке: Vendetta!

Vendetta, т. е. месть! Выражение это, заимствованное с корсиканского наречия, казалось от этого еще более ужасным.

Не могло быть больше сомнений, что одна и та же рука вооружила всех трех убийц с целью мести. Но чья рука? И какой смертный приговор должен был быть отомщен? Далее мы уже наталкиваемся на непроницаемую тайну, пролить свет на которую не могут никакие отвлеченные соображения...

Когда факт не объясняется сам собой, нужно искать объяснения, а не терять напрасно время на пустые рассуждения... Таково, конечно, было мнение Люса. Он с некоторого времени стал выказывать явные признаки нетерпения, которое могло умерить только присутствие де Вержена, впрочем то, что ему оставалось еще сделать за эту несчастную ночь, вполне оправдывало его желание скорее уйти. Он нервно прохаживался по кабинету, когда префект, рассказывавший двум комиссарам о различных обстоятельствах, сопровождавших смерть Фроле, заметил его возбужденное состояние и понял причину его: ему самому скорее хотелось узнать содержание записки, составленной в префектуре о его шурине. Префект поспешил закончить свой рассказ и представил Люса, как нового начальника полиции безопасности. После обычных поздравлений последнего комиссарами, префект прибавил:

— А теперь, мой дорогой сотрудник, вам остается только пуститься в путь, найти трех убийц и разыскать моего шурина — нельзя сказать, чтобы у вас не было дела!.. Что касается вас, господа, — продолжал он, обращаясь к полицейским комиссарам, — я вас задержу, так как мне нужна будет ваша помощь на случай могущих произойти этой ночью важных событий.

Люс распрошался весьма быстро с де Верженом и готов был уже уйти, но, по-видимому, раздумал.

— Вы имеете что-нибудь у меня спросить? — сказал префект, заметивший это.

— Может быть, вы найдете это чересчур смелым?! — ответил Люс.

— Говорите, увидим, — заметил де Вержен и, понизив голос так, чтобы услышал только Люс, добавил, — вы знаете, что я ни в чем вам не отказываю!

— Если вы собирались, — осмелился, наконец, сказать начальник полиции, — назначить мне преемника на мою прежнюю должность, то я осмелился бы вас просить, если вы это найдете не бесполезным для тех

сложных расследований, которые мне придется вести, подписать сейчас же назначение. Мне одному невозможно сразу присутствовать везде, где требует необходимость. Тот, на кого я возложил бы поручение идти по тем или иным следам, был бы более обеспечен повиновением людей, если бы он мог ими командовать в качестве помощника начальника полиции безопасности.

— Вы правы тысячу раз, я об этом не подумал... А кого бы вы назначили на этот пост? В интересах службы ваш помощник должен всецело зависеть от вас.

— Вы соблаговолите...

— Если понадобится, я даже буду приказывать вам представить вашего кандидата!

— Тогда, господин префект, я думаю, что никто не имеет большего права, не выполнит так хорошо эти обязанности, как старый Гертлю, никто так не знает Париж, его кабачков и вертепов, людей порока и преступников, как он. Несомненно, он не сумел бы проследить преступника в высших сферах, но когда в высшем обществе совершено преступление и особы, задумавшая его, принадлежит к этому обществу, то всегда среди подонков общества следует искать ту руку, которая непосредственно выполнила его. А в этом последнем случае человек, которого я предлагаю, не имеет себе равных.

— Вот приказ об его назначении! — отвечал де Вержен, протягивая Люсьу бумагу с приказом о высшем назначении его старого товарища, — отнесите его в печать, вместе с приказом о вас!

Люс поклонился и пошел к двери, он уже готов был выйти, когда префект позвал его еще раз.

— А запрещение выходить из здания префектуры? Я прикажу отменить для всех, не так ли?

— Умоляю вас не делать этого, господин префект, по крайней мере до моего возвращения, которое состоится еще до наступления утра!

— Не сделать ли исключение для моего тестя?

— Я не могу вам давать советов, господин префект, но если кто-нибудь один выйдет из префектуры, это будет равносильно отмене приказа для всех... Еще до рассвета весь Париж будет знать, что Фроле убит в своем кабинете и что мы упустили преступника...

— Хорошо, никто не выйдет раньше вашего возвращения ко мне... А для вас и ваших людей нужен пропуск?

— Бесполезно, господин префект, у меня, как вы знаете, имеется ключ от секретного хода, который дает нам возможность входить и выходить во

всякое время, минуя часовых. , ,

— В таком случае, до свидания! Желаю успеха.

На этот раз Л юс мог выйти из кабинета префекта не будучи отзван назад, проходя через комнату, где находились агенты, Л юс сделал знак следовать за собой трем лучшим сыщикам и Гертлю, представив последнего всем служащим, как нового помощника начальника. Гертлю не мог прийти в себя от удивления при таком внезапном назначении его на пост, о котором он не смел и думать в своих — самых честолюбивых мечтах. Он смущенно благодарил, Люса, который с обычной среди служащих в полиции фамильярностью ответил, ударив его по плечу:

— Довольно об этом, старина! Дело теперь в том, что мы должны сейчас показать, что сумеем сделать. Теперь три часа ночи, а к семи часам утра мы должны найти убийц как Фроле, так и Пети-Лендрю и Трэнкара, что же касается шурина нашего патрона, Поля де Марсэ, то мне кажется что мы в конце концов встретим его и не разыскивая. У мен видишь ли, из головы не выходит, что все это было задумано одним и тем же лицом и выполнено одними и теми же руками!

— По чести сказать, господин начальник, я уже столько видел самого необыкновенного, что ничто меня более не может удивить. Вот, хотя бы сегодня вечером, в гостиной префекта, когда молоденькая девушка нашла бриллиант...

Гертлю не кончил, сильный удар Люса локтем заставил его прикусить язык, и в то же время, чтобы три шедшие за ними человека ничего не подозревали, начальник полиции вскричал:

— Мы вот тут забавляемся болтовней, а ведь время летит...

Потом, повернувшись к ним, он сказал, обращаясь к тому из них, который был бригадиром:

— Люпен! Иди сюда и выслушай приказ.

— Да, господин начальник! — ответил тотчас же подбежавший агент.

— Ты сейчас пошлешь одного из твоих людей потолкаться по той улице, где жил Пети-Лендрю, а другого, — где жил Трэнкар, одевшись так, как им покажется более удобным, с целью узнать все те слухи и разговоры, которые не замедлит вызвать при наступлении дня в этих кварталах убийство двух человек. Они должны начать с винных лавок, которые откроются через час, и тщательно наблюдать за прохожими, так как, если только у них есть чутье, они могут напасть на след. Редко бывает, чтобы убийца не пришел пошататься после преступления вокруг того места, где жила его жертва, тоже с целью послушать сплетни для того, чтобы знать, кого толпа подозревает, .. Что касается тебя, то, предварительно узнав, не

вернулся ли случайно Поль де Марсэ к себе домой, ты пойдешь к твоим людям, переходя от одного к другому и наблюдая за личностями, которые почему-либо обратили твое внимание, будешь готов оказать им помощь. Ты хорошо меня понял?

— Да, господин начальник!

— Хорошо, вот тебе двадцать франков, для тебя и твоих агентов, чтобы вы могли поесть, а, если нужно, и угостить кого следует... А теперь, марш вперед! Ты придешь отдать мне отчет в том, что произошло, в половине восьмого в префектуру, в мой кабинет!

Все трое быстро ушли, затих шум их шагов.

— Ты с ума сошел! — сказал тогда Люс, обращаясь к Гертлю, смущенно стоявшему на прежнем месте. — Ты что ж, собирался поделиться своими впечатлениями о сцене с бриллиантом с людьми, которым знать это вовсе ни к чему? Запомни, что в полицейской службе то, что делается без цели, — вредно.

— Простите, господин начальник, но видите ли, это назначение, которого я вовсе не ожидал, перевернуло вверх дном все мои мысли... Теперь, конечно, больше уж меня не поймаешь, чтоб я без толку болтал языком.

— В добрый час! И я больше не буду вспоминать об этом! Ну, что же ты хотел сказать? Можешь говорить, мы одни! Мы пойдем к несчастному Фроле, до которого добрых двадцать пять минут ходьбы. Твои замечания помогут сократить это время.

Продолжая идти, Люс рассуждал сам с собой: «Неужели эта старая ищейка Гертлю понял что-нибудь в той немой сцене, которая разыгралась у префекта между де Марсэ и мной? В таком случае, разрастаются ли мои сомнения? Ведь до сих пор, несмотря на все виденное, я не могу убедить себя, что мой старый товарищ по несчастью на мельнице Д'Юзор мог сознательно участвовать в заговоре, погубившем моего брата».

Между тем Гертлю было довольно затруднительно ответить категорически на вопрос своего старого приятеля. Его чутье ясно подсказывало ему, что случилось что-то весьма важное, но что уже было вне пределов той, так сказать, официальной сцены, которая была на глазах у всех. Он один из всех понял, что бриллиант выскользнул из бумажника Люс а в тот момент, когда дочь префекта бросилась поднимать эту драгоценность, но здесь уже начиналась область, недоступная для его дальнейших наблюдений. Все остальное из того, что он мог сказать, состояло лишь из выводов, которые он сделал из этих событий и затем изложил в ответе, которого требовал от него его начальник.

— Ну, посмотрим твои соображения! — настаивал последний.

— Это скорее обрывки мыслей! — ответил Гертлю... — Вы настаиваете, господин начальник? Я к вашим услугам. О! Все это не займет много времени и, может быть, даже не имеет между собой связи, но раз вы хотите...

— Безусловно, я тебя слушаю!

— Я должен уступить... Так вот, господин начальник, мне показалось, как я уже вам говорил, что, когда вы вынули из кармана ваш бумажник, то искали бриллиант, и я думал так не только потому, что вы были крайне удивлены, найдя бумажник пустым, но и потому еще, что после того, как де Марсэ был возвращен его бриллиант, вы уже больше не настаивали на том знаменитом указании на след убийцы, о котором вы только что говорили с такой уверенностью.

— Продолжай, что же ты тогда подумал?

— Зная, насколько хорошо вы обыкновенно владеете собой и что вы вовсе не склонны волноваться без достаточно важных к тому оснований, я подумал, что этот бриллиант мог привести вас к известному убеждению, но ускользнул от вас, а вместе с тем и то доказательство, которое вы, может быть, на нем основывали, приняв во внимание то место, где вы его нашли.

— Что ты этим хочешь сказать?

— А вот, господин начальник!.. Все двери префектуры были заперты прежде, чем убийца имел время спуститься только на один этаж. Несмотря на это, он подходит к различным выходам, но каждый раз принужден отступать во внутренность здания... Мы осматриваем префектуру сверху донизу, ничего не открыв, затем, переходя в квартиру господина префекта, видим там де Марсэ, его тестя, спокойно сидящего в гостиной и разговаривающего с только что вернувшимися из оперы дамами, затем оказывается, что бриллиант, который, мне кажется, выскользнул из ваших рук, принадлежит этому посетителю... Тогда, не скрою от вас, я нашел все это довольно подозрительным, и так как точно следил за всеми оттенками и оборотами, какие принимал разговор, то говорил сам себе: «Вот еще совпадение! Если бы начальник нашел этот бриллиант в кабинете бывшего начальника полиции безопасности около трупа несчастного Фроле, то этого, пожалуй, было бы достаточно, чтобы иметь против де Марсэ весьма важные улики в... соучастии».

Слова Гертлю, облекавшие, так сказать, в словесную форму лишь то личное впечатление, которое составилось у него, еще более утвердили Люса в его высоком мнении о прозорливости старого товарища, и ему оставалось только порадоваться, что он избрал Гертлю своим сотрудником.

— Ты забегаешь вперед, мой старый друг, — сказал он, — действительно, я в кабинете Фроле нашел бриллиант де Марсэ.

— В таком случае убийца у нас в руках?..

— Ну, нет еще, так как старый советник догадывается о моих подозрениях, а он чересчур ловок, чтобы не уничтожить все улики своей виновности, в качестве ли главного преступника или только соучастника... Впрочем, мы это увидим сегодня ночью, покончив с тем делом, по которому идем в квартиру бедного Фроле. Видишь ли, Гертлю, что-то говорит мне, что мы нападем на след какого-нибудь ужасного дела, которое заведет нас гораздо дальше, чем мы думаем. Все то, что ты, действительно, ловко подметил, уже представляет для нас известную важность, если только мы не ошибаемся. Ты видишь, что я разделяю твои подозрения. Не часто бывает, чтоб советник Кассационного суда заставлял убивать начальника полиции безопасности, ибо я не могу поверить, пока не будет доказано противное, чтобы он сам лично убил его, но я предвижу еще другое, одна мысль о чем заставляет меня содрогнуться...

— Что ж, господин начальник? Может быть, вы можете довериться мне?

— Ты сомневаешься в этом, мой старый товарищ?! Эта тайна гложет меня, и я хочу, чтобы ты знал все, так как я избрал тебя своим *alter ego*, своей правой рукой в тех ужасных событиях, которые готовы разразиться, и для которых три убийства в эту ночь являются только лишь прелюдией. Фроле, очевидно, поплатился за других, нотариус и Трэнкар оплатили свои старые долги, как указывает на то слово *vendetta*, выгравированное на кинжалах. Сколько еще новых жертв последует за ними, ибо уже никакие человеческие силы не спасут их, если только не спасу я!

— Вы, господин начальник?

— Да, я! Но хватит ли у меня на это мужества, хватит ли сил... имею ли я даже на это право? Бывают случаи, когда правосудие вовсе не на той стороне, где его можно предполагать... Ты смотришь на меня с осуждением, как будто я сошел с ума, не так ли? Чет, мой славный Гертлю, я в здравом уме, и тебя уже не будет это удивлять, когда я расскажу тебе все. Но только не здесь, на улице, я могу доверить тебе эту ужасную тайну: одно слово, а особенно

• одно имя может быть перехвачено, — и я не удивился бы, если бы нас стерли с лица земли. Ну, вот мы и пришли к Фроле, я захватил ключи, и мы можем войти, а когда мое дело, за которым я пришел сюда, будет кончено, мы поговорим в полной безопасности. Наш бедный начальник был вдовец и жил один, никто не придет и не помешает мне доверять тебе

мою тайну.

Люс позвонил у дома № 20, по Мельниковой улице, на ходу сказал привратнику, уже привыкшему к его посещениям Фроле во всякое время ночи, свое имя, и несколько минут спустя оба были уже в квартире бывшего начальника полиции безопасности.

— Бррр!.. — поморщился Гертлю, в то время как его спутник зажигал лампу, — как-то неприятно быть в этой квартире, которую бедный Фроле никогда уже не увидит.

— Он вернется сюда еще раз, прежде чем отправится в свое последнее убежище! — отвечал Люс глубоко печальным тоном, затем, выбрав из связки, бывшей у него в руках, маленький ключик, хорошо ему знакомый, прямо направился к письменному столу, где его предшественник обыкновенно запирал свои личные бумаги, и открыл один из ящиков. Ему не нужно было долго искать, чтобы найти желаемое: большой сверток из слоновой бумаги, на котором было написано: «Дело Поля де Марсэ».

Внимание Люса было тотчас же привлечено надписью в правом верхнем углу сложенной пополам страницы «секретно». Это, конечно, было то, за чем он пришел сюда. Не трогая других бумаг, к которым он относился с благоговением, Люс забрал сверток, завернул его в принесенную с собой салфетку и сел рядом со своим спутником, который во все г таза смотрел на эту сцену, не позволив себе ни малейшего вопроса об объяснении.

— Теперь, мой дорогой Гертлю, без дальнейших предисловий, — сказал Люс странным голосом, которого новый помощник не узнал совершенно, — я тебе сообщу о том, чего я так опасался, что стало прямой причиной той ужасной драмы, начало которой только что разыгралось на наших глазах. Прежде всего, откуда я знаю де Марсэ, тестя де Вержена? Тридцать лет тому назад де Марсэ, простой судья в Марселе, благодаря протекции герцога де Жерси, был назначен в Париж судебным следователем. Когда он ехал на место своего нового назначения, то нашел в своем купе несколько обрывков письма, которые заставили его думать, что совершено какое-то преступление на мельнице Д'Юзор, подле Сен-Рамбера и что трупы брошены в озеро того же названия, что и мельница. Движимый любовью к своему делу, он, по прибытии в Париж, просит у префекта полиции, его товарища по школе, одного агента, достаточно ловкого, чтобы помочь ему в его расследованиях. Я был назначен на это дело и уехал вместе с де Марсэ в Дофине.

Что было дальше, мой дорогой друг? По приезде мы должны были вмешаться в семейную драму, в которой не знали, что делать, и в которой

была замешана честь Турнье, бывшего тогда первым председателем Кассационного суда, уже теперь умершего. Мы были постыдно одурачены самой полицией в лице двух или трех крестьян, игравших превосходно свои роли, и Фроле, тем самым, который только что так ужасно окончил свое существование и которого председатель послал в свое время выследить нас, а в случае надобности и заставить исчезнуть, если мы откроем то, что Турнье хотел тщательно скрыть от всех.

Короче говоря, после того, как нас заставили выпить какое-то наркотическое средство, мы были заперты в подвале замка Д'Юзор, и с нами так и поступили бы, если бы мне не пришла в голову мысль за несколько дней до того обратиться по этому поводу к знаменитому Жаку Лорану.

— Бывшему начальнику полиции безопасности, когда мы поступили к нему на службу?

— Тому самому! Еще долго полиция не будет иметь подобного человека: это был, если ты помнишь, настоящий полицейский гений! Он явился на мельницу Д'Юзор переодетым разносчиком. Это был лишь маневр с целью пронести и крестьян, и Фроле, а открыв наше убежище, он написал герцогу де Жерси, который уладил дело с Турнье, — и в один прекрасный день нам была возвращена свобода. Мы вышли, сконфуженные безрассудством своего предприятия, а еще больше тем, что были совершенно при этом разбиты.

Но мы пострадали вместе с де Марсэ и поклялись друг другу в вечной дружбе.

— На эти-то факты вы и намекали сегодня ночью, господин де Марсэ, в присутствии господина де Вержена?

— Вот именно, я хотел прийти на помощь его памяти, чтобы знать, забыл ли он меня за долгое время, прошедшее с тех пор, или с умыслом отказывается меня узнать. Я убедился, что следует принять это последнее мнение. Ты скоро увидишь, почему де Марсэ, советник Кассационного суда, не хотел... не мог узнать меня.

Спустя некоторое время после нашего возвращения из Дофине, де Марсэ получил уведомление о своем назначении в Клермон-Ферран в качестве судьи. Это была опала только для вида, так как через шесть месяцев, как я уже говорил об этом де Вержену, ему был возвращен пост судебного следователя в Париже, тогда как меня забыли в Кайенне на пятнадцать лет в должности главного комиссара, которую мне там дали.

— И вы никогда не узнали развязки того дела, которое завлекло вас в Дофине? — спросил Гертлю, любопытство которого было сильно задето

рассказом Люса.

— Никогда! — ответил последний. — Жак Лоран знал все, так как ничего нельзя было скрыть от этого дьявольски ловкого человека, но, должно быть, он был связан клятвой, потому что в этом деле всегда был абсолютно непроницаем... Я подхожу к самой печальной части моего рассказа, и ты увидишь, что самые ничтожные причины часто ведут за собой ужасные последствия. За те несколько месяцев, которые предшествовали моему отъезду в Кайенну, редкий день, бывало, де Марсэ не приходил навестить меня и уверить, что он не забудет меня в моей ссылке и не успокоится до тех пор, пока ему не удастся вернуть моей семье прежнее доверие. В одно несчастное утро, которое я бы хотел совсем вычеркнуть из своей жизни, он встретил у меня моего младшего брата, только что окончившего свое учение. Естественно, разговорились об его будущности, и де Марсэ предложил мне поместить его в контору его тестя, богатого банкира Трэнкара. При трудолюбии и хорошем поведении юношу ждала блестящая будущность в этой фирме, как говорил мой друг. Ставя в наше время финансистов на первый план, он жалел, что сам ранее не пошел по этой дороге, так как его громадное состояние создало бы ему в этом случае весьма важное положение... Я не знаю почему, но все это меня вовсе не прельщало, и я готов уже был отказаться от этого предложения, как ни казалось оно выгодным с первого взгляда. Ах! Почему я не послушался этого предчувствия! Сколько несчастий было бы тогда избегнуто!

Так вот, мой юный брат Карл Лефевр (ибо Люс — вымышленное имя, принятое при поступлении на службу в полицию) был принят в бюро Трэнкара с таким жалованием, на которое мы даже не смели и надеяться, и когда я уезжал в Кайенну, то был вполне спокоен за его судьбу, так как его начальство уверило меня, что через короткое время он займет один из самых высоких постов в этом торговом доме. Все, казалось, шло как нельзя лучше, ибо через восемь дней я получил уведомление о двойной новости: что Карл только что назначен уполномоченным фирмы «Трэнкар и КО» и что он женился на сестре главного кассира, Эрнеста Дютэйля.

Можешь себе представить мою радость: ведь я обожал этого ребенка, который был на двенадцать лет моложе меня и которого я, можно сказать, воспитал.

Мой отец потерял все свое состояние из-за недостойного злоупотребления его доверием, когда Карл был еще очень маленьким. Я был тогда в школе изящных искусств, и мне оставался один год до получения во второй раз первой, большой Римской премии, а в том году я

был уверен в получении • первой премии, но мне пришлось бросить свои кисти, чтобы зарабатывать себе на жизнь и поддерживать своих родных. Вот почему, с отчаяния, я и принял место в бригаде полиции безопасности и мог, благодаря экономии, которую соблюдал, отдать Карла в гимназию — это обязательное преддверие всех мест и должностей.

Я попросил отпуск, чтобы быть на свадьбе своего брата, но мне отказали. Турнье был еще тогда жив, а его ненависть ко мне не ослабла, тем более, что он ничего не мог сделать против де Марсэ, так-то всегда слабые платятся за сильных. Мне думается, что я тогда предугадывал положение вещей и что еще было время предотвратить те ужасные события, которые должны были разыграться спустя два года.

Трэнкар уже более десяти лет спекулировал на сносе старых зданий в Париже со своим другом, герцогом де Жерси, президентом Законодательного Корпуса, и они вдвоем сколотили состояние, оцениваемое не менее, чем в сорок миллионов франков. Герцог де Жерси всегда знал тайны, необходимые, чтобы предупредить своего соучастника о тех операциях, какие решались в Совете работ, — и когда приступали к отчуждению, всегда оказывалось, что Трэнкар месяц тому назад скупил большую часть недвижимости, которая должна была быть уничтожена. Банкирская контора была лишь для отвода глаз, чтобы прикрыть свои спекуляции. Да! Я увидел бы все ясно, если бы приехал во Францию... Но, увы! Так было решено судьбой, и изменить было нельзя, как нельзя заставить речку течь в обратном направлении. То, что мне остается рассказать тебе, мой старый друг, превосходит все, что только может изобрести ужасного человеческая жестокость.

Я был почти счастлив в Кайенне, мечтая о благополучии своих близких, и почти без опасения ждал часа своего возвращения. Только одно меня беспокоило: со времени своего отъезда из Франции я только один раз получил известие от де Марсэ. Забыл ли он меня в водовороте парижской жизни? Или, может быть, его назначение советником Апелляционного суда установило такое различие в положении между полицейским и представителем судебного ведомства, что последний решил порвать наши отношения, чтобы они не могли восстановиться при моем возвращении?.. Я в самом деле не знал, что и подумать и, уязвленный в своем самолюбии, последовал его примеру!

Однажды пришла партия арестантов. Начальник транспорта должен был их передать в мое распоряжение: предварительно, как обычно, мне передавался список этих несчастных одним из старшин, который тотчас же возвращался обратно. Едва этот унтер-офицер ушел, как я взглянул в

список, чтобы посмотреть число присланных к нам каторжников... Два имени сверкнули перед моими глазами, как будто они были написаны огненными буквами... Лист выпал из моих рук, и я потерял сознание. Но слабость эта продолжалась недолго, и можно сказать, я все-таки сохранил сознание важности энергии, которую должен был проявить в это? ужасном положении... Я не замедлил открыть глаза и, поднявшись с усилием, поднял упавший лист и снова взглянул со смутной надеждой, что я ошибся... Увы! Надежды не было никакой... в начале списка ясно стояли два следующих имени: Карл Лефевр, уполномоченный «Трэнкар и Кс», Евгений Дютэйль, главный кассир «Трэнкар и К0». Графа наказаний указывала для каждого из них «двадцать лет каторжных работ, десять лет лишения прав и на пять лет под надзор полиции». В графе совершенных преступлений стояло: подделка коммерческих бумаг, кражи со взломом. Можешь судить о моем отчаянии, Гертлю, когда я читал эти строки, не оставляющие ни малейшего сомнения в личности осужденных и их виновности.

Я ни минуты не сомневался, что Карл, честные взгляды которого я хорошо знал, был завлечен своим шурином... Я тотчас же подумал о наших престарелых родителях, которые не выдержали бы такого удара... Что же делать?

Как мне вести себя с ними? Должен ли я их принять, как самых обыкновенных преступников, которых я вовсе не знал?..

Пока я пробовал собраться с мыслями, я заметил, что какой-то простой матрос ходит взад и вперед мимо двери моего жилища, бросая украдкой взгляды во внутренность сада и не смея войти. Я понял, что он хотел говорить со мной. Может быть, он послан арестантами, я поднялся и дал ему знак войти, что он и поспешил сделать. Я провел его в свой кабинет, где мы совершенно могли не бояться, что нам кто-нибудь помешает, там он вытащил из своей войлочной шапки объемистый сверток и передал его мне. Сердце мое страшно билось, свертка хватило бы на несколько часов чтения. Несомненно, я ответил бы несколькими строчками или даже длинным письмом, смотря по тому впечатлению, которое на меня произвело бы это чтение, но в данный момент я не мог знать, к какому приду решению.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал матрос, — я получил разрешение на целый день пойти к моему брату, который построил себе ферму здесь, в лесу, и могу, возвращаясь на судно, зайти вечерком к вам.

На мое счастье, некоторые затруднения по расквартированию арестантов заставили отложить их высадку до следующего дня, и я мог

спокойно читать письма, которые мне написали мой отец, мать, несчастный Карл, его адвокат и несколько друзей нашей семьи.

Это был один сплошной вопль о невиновности обоих несчастных. Во всем Парижском суде не нашлось ни одного представителя обвинения, который согласился бы взяться за это дело. Познакомившись с документами, представляющими собой один сплошной подлог, специально составленный с целью обвинения, главный прокурор, друг герцога де Жерси, принужден был сам вести это дело. Вопрос шел о том, чтобы спасти Трэнкара от злостного банкротства, а вместе с ним и председателя Законодательного Корпуса, который был сильно скомпрометирован несчастьем своего друга. За последние пять-шесть лет они потерпели громадные убытки на бирже из-за своей безумной игры, платя иногда или получая на одной разнице в курсе от восьми до десяти миллионов. Когда они заметили, что уже почва колеблется под их ногами, то, вместо того, чтобы остановиться, вздумали вернуть свои потери новыми, еще более безумными спекуляциями, но неудачи продолжали их преследовать, — и вскоре они должны были прибегнуть к показанию фиктивной наличности и брать деньги уже из своих депозитивов. Короче говоря, они дошли до того, что им оставалось лишь выбирать: либо симуляцию воровства на пять-шесть миллионов, постепенно производившегося в продолжении восьми или десяти лет их служащими, или же допустить, чтобы Трэнкар шел под суд, что было равносильно бесчестью для целой группы родственных и наиболее влиятельных фамилий, также как и для представителя Законодательного Корпуса. Они остановились на первом, и, конечно, должности, которые занимали Карл и несчастный Дютэйль, немедленно определили выбор.

Они велели тайком переделать свои книги, — и друзья, преданные душой и телом герцогу, так подвели баланс, что в кассе должно было быть 14. 792. 675 франков 35 сантимов, между тем как в действительности там было лишь около четырех миллионов.

Десять миллионов недочета — факт невозможный, хотя бы и для десятилетнего промежутка времени, для таких примерных служащих, за которыми не водилось никаких пороков, которые жили среди доброй семейной обстановки и в довольстве, добытом исключительно лишь своим трудом. Их обвинили в игре на бирже и, так как Карл, в качестве уполномоченного фирмы «Трэнкар и К0», вел там дела своего торгового дома, а Дютэйлю то же было поручено от имен герцога, то этого было достаточно, чтобы установить их виновность в том, что они не проводили по исправленным книгам в продолжение десяти лет ни одной из крупных

операций, сделанных Карлом для торгового дома, а Дютэйль — от имени герцога, как одного из клиентов банка, — и игра была выиграна!.. Отсутствие в книгах всяких следов об операциях указывало, что последние были сделаны обоими молодыми людьми на их личный счет... И они погибли.

Однако, как я тебе говорил минуту тому назад, все это не прошло так гладко. Эксперт из Французского банка приглашенный сверить книги, констатировал подлог и неправильности в книгах, объявил, что по чести и по совести он должен сказать, что простой осмотр книг, судя по чернилам и манере писать, внушает ему сильное подозрение в подложности самых книг, они производят такое впечатление, как будто все это сфабриковано очень недавно и, не-, смотря на злобу, которой он имел основание опасаться, этот честный человек твердо держался раз высказанного взгляда.

Впрочем, обвинение и так не было обеспечено, сотни раз видели, как Карл, бывавший на бирже со своим патроном, производил самые грандиозные операции на глазах и с одобрения последнего. Но во что бы то ни стало нужно было добиться обвинения, и это было достигнуто тем, что передали все дело в другую сессию суда, где был соответственно подобран состав присяжных. Когда читали приговор, присуждавший несчастных молодых людей к двадцатилетней каторге, в зале суда поднялся целый скандал. Судьи и присяжные были освистаны, а известный банкир Р., написал на другой день осужденным письмо, которое он сообщил во все газеты, так что его могла читать вся Франция: «Милостивые государи! — писал он, — я следил за вашим процессом со вниманием, которого он заслуживает. Помните, что когда и как бы вам не удалось уйти из Кайенны при поддержке всех честных людей, в вашем распоряжении всегда два места главных кассиров — без всяких залогов — в наших банках в Лондоне и Вене. В ожидании имею честь уведомить вас, что мною будет выдан чек на какую бы то ни было сумму, при первом вашем требовании в зачет жалования, так как я считаю вас, начиная с сегодняшнего дня, состоящими у нас на службе и пользующимися неограниченным отпуском, с сохранением полного содержания».

— Можешь судить о том впечатлении, какое произвело подобное письмо, написанное одним из величайших финансистов нашего времени. Теперь ты понимаешь, кто это имел такое, несколько странное мужество быть председателем суда в этом весьма печальном деле?

— Признаюсь...

— Это де Марсэ.

— Это невозможно!

— Да, я тоже, как и ты, говорил, что это невозможно, тем не менее это так. Но этого еще мало, когда присяжные и в новом составе, поколебленные непоследовательностью обвинения и многочисленными доказательствами в пользу невинности обвиняемых, казалось, были в нерешительности относительно того мнения, которое они должны будут сейчас высказать, де Марсэ в дьявольски ловко составленной заключительной речи, когда прения сторон были уже закончены, и защита не имела возможности более отвечать, разбрал один за другим все доводы в пользу обвинения и буквально насилино заставил вынести обвинительный вердикт по двум вопросам — о подделке коммерческих документов и затем о воровстве.

— Теперь ты знаешь уже, кто был старшиной присяжных в этом ужасном деле! Это был Пети-Лендрю, нотариус герцога де Жерси...

— Тот самый, который был зарезан в эту ночь?

— Да тот, который уплатил в эту ночь свой старый долг!

— Ты сказал: уплатил долг?

— Как, ты не понимаешь?

— Признаюсь, нет!

— Так вот, прими во внимание эти странные совпадения и объясни их себе, если сможешь. Фроле, о котором я тебе еще не говорил, велел арестовать Карла и Эрнеста Дютэйля по жалобе Трэнкара, хотя хорошо знал их невиновность и мог бы дать им возможность скрыться, сегодня ночью он убит при помощи кинжала, на клинке которого выгравировано слово vendetta, т. е. месть, это — раз... Трэнкар — главный виновник их судебного преследования, и он погиб в эту ночь точно таким образом, на кинжале тоже слово vendetta, это — два!.. Нотариус Пети-Лендрю, склонивший колеблющихся присяжных в пользу обвинения, и он подвергся той же участи, все с помощью кинжала, опять с тем же словом vendetta, это — три!..

Де Марсэ два раза председательствует в суде, выказывает возмутительное пристрастие, хотя никто так не был убежден в невиновности молодых людей, как он, и, если ему удалось пока избежать удара такого же кинжала, то, может быть, только потому» что ему предоставили выбор или убить Фроле, или быть самому четвертой жертвой, и у него исчез сын при таких обстоятельствах, что, можно подумать, он его никогда больше не увидит. Но, как я уже говорил тебе, это еще не все: я боюсь, как бы очередь не дошла до присяжных и всех, кто был замешан в этом несчастном деле! Но кому принадлежит эта карающая рука? Кто указывает ей жертвы? Это дело нашей чести, Гертлю, открыть ее, и я ужасно боюсь, что в один прекрасный день мы окажемся лицом к лицу

с моим братом и Эрнестом Дютэйлем, и тогда, что нам делать, мой старый друг? Нам, представителям общественного правосудия, хотя и одностороннего, и всегда готового склониться перед сильными мира сего... Когда мы столкнемся с судом совести, представители которого потребуют в свою очередь отчета за свой позор у тех негодяев, которые уничтожили их благосостояние, семью и честное имя? Ведь, я тебе забыл сказать об ужасных последствиях приговора суда. Мой отец и мать умерли с горя...

Здесь голос Люса дрогнул, и громкие рыдания показали Гертлю, до какой степени сильны были страдания этого сурогатного полицейского при воспоминании об этих печальных событиях.

После некоторого перерыва Люс продолжал:

«Бедный Карлик! Мы так любили его... Однако, как ни тяжело вспоминать прошедшее, нужно, чтобы ты знал все, мой дорогой друг, чтобы поддержал меня, посоветовал, ибо я сам в эти несколько часов вижу все время лишь одно — месть, vendetta! vendetta!.. Это слово огненными буквами сверкает перед моими глазами, и я двадцать раз готов был уйти из префектуры и сделаться разбойником, чтобы мстить за своих родных. Знаешь ли, что после отъезда ее мужа в Кайенну, Фанни, жену моего бедного брата, уже никто более не видел? Что стало с ней и ее маленькой Шарлоттой, дочерью, которой было лет шесть-семь тогда?.. Она осталась без всяких средств, так как правосудие отняло у нее все, что она имела.

Она была чересчур честна, чтобы пасть, и не могла просить милостыню... Боже мой, Боже мой! Что-то стало с ней? Может быть, она в смерти искала покоя и забвения! »

— Все это ужасно, — сказал бравый Гертлю, которого с некоторых пор одолевали слезы, — но вы мне еще не сказали, что же стало с вашим братом и Дютэйлем!

— Почему ты не говоришь по-прежнему на ты... Мое новое назначение ничего ведь не изменило в моих чувствах... Я и сам этого не знаю. Когда я кончил читать письма, которые принес мне матрос, и убедился в невиновности обоих несчастных, то понял: чтобы быть им полезным, не следовало, чтобы кто-нибудь мог подозревать в Кайенне о той связи, которая существовала между нами... Я написал длинное письмо с двойственным смыслом, но про которое я знал, что оно будет как следует понято Карлом, и передал его тому же самому славному матросу, который взялся передать его по назначению, а на другой день я сказался больным, чтобы не принимать партии, так как первое свидание на глазах посторонних было бы чересчур тяжело.

Не стоит рассказывать тебе про нашу жизнь в Кайенне, время идет, и

нам нужно принять решение еще до наступления дня. Де Вержен ждет нас, и мы не можем больше откладывать это свидание с ним... Я остановлюсь только на одном интересном для тебя обстоятельстве, на бегстве Карла и его шурина.

— Как! Они смогли бежать?

— Менее, чем через год после их приезда в Кайенну, благодаря их покровителю — банкиру, который поклялся освободить их от ужасной жизни в остроге, им удалось вступить в сношения со всем персоналом, на который было возложено наблюдение за каторжниками... Ах! С деньгами все возможно! Банкир Р... написал своему поверенному в Кайенне, который скупал для его фирмы золото в слитках и серебро с приисками, ничего не жалеть, лишь бы выручить арестантов из их тяжелого положения. Что касается способов и средств на это, он предоставил ему полную свободу действий, открыв безграничный кредит. Карл и его товарищ скоро заметили действие этого высокого покровительства: через тех же своих сторожей они получали все, что только хотели, и дело не обошлось, конечно, без того, чтобы и сам начальник острога не старался облегчить их положение. Еще не прошло и шести месяцев, как с них велено было снять кандалы и отправить на работу на плантации. С этого момента их бегство являлось только вопросом времени.

Однажды вечером они получили уведомление, что должны прийти в эту же ночь на берег, чуть ниже острова Привета, где их ждала паровая шлюпка, которая отвезла их на небольшой пароход, специально для них зафрахтованный в Нью-Йорке и которому было дано приказание высадить их, где они захотят. В случае, если бы они не вернулись в Европу, командир судна должен был им передать чек на сто тысяч франков, оплачиваемый по предъявлении в любом из банков всего света.

Спустя некоторое время я узнал от одного купца в Кайенне, что они отправились в Австралию, и с тех пор я уже больше не слыхал о них... Это было двенадцать лет тому назад. Я сам потом вернулся в Париж. Это долгое молчание заставило меня в конце концов думать, что он умер, ибо Карл чересчур сильно любил меня, чтобы оставить в полной неизвестности относительно себя, к тому же он мог, совершенно не подвергаясь опасности писать мне в Париж. Но вот это тройное убийство в одну ночь и исчезновение Поля де Марсэ, в чем мне не трудно было признать его соучастие, показывают, что за эти десять лет у них было все подготовлено для мщения! И час мести пробил! Теперь я понимаю молчание Карла: взяв на себя роль мстителя, он и его шурин вступали в борьбу с обществом, которое будет, конечно, защищаться, и он не хотел навлечь на меня то

ужасное преследование, которому они могли бы подвергнуться, если бы были пойманы... Они поставили на карту свою жизнь, но Карл вовсе не хотел рисковать моей.

Вот, мой старый друг, та ужасная тайна, которая давила меня, и которую мне нужно было поверить тебе, теперь мне, должно быть, будет легче, так как я могу уже свободно говорить с тобой об этом. Ты видишь, в каком ужасном положении я нахожусь. Что делать и как примирить требования, исходящие из моего служебного положения, с одной стороны, и привязанности — с другой... Словом, могу ли я оставаться начальником полиции общественной безопасности, когда знаю виновников трех убийств, или, по крайней мере, думаю, что знаю, и когда долг требует, чтобы я их предал в руки правосудия.

— Какого? — спросил старый Гертлю. — Не ты ли сам доказал мне минуту назад, что есть два правосудия: то, которое всегда к услугам герцога де Жерси, Трэнкара и других власть имеющих негодяев, которые ставят ни во что честь и жизнь других людей, когда дело идет о том, чтобы прикрыть собственные злоупотребления и воровство. И другое правосудие, порожденное возмущенной совестью всех честных людей, которые в конце концов сами отправляют функции суда, раз они не могут легальным путем сделать это по отношению к подобным подлецам! Что касается меня, Люс, то мой выбор уже сделан: я стою за честных людей и должен тебе сказать, что употреблю все силы, которыми располагаю, благодаря своему новому назначению, на то, чтобы защитить твоего брата и его товарища от последствий их собственных неосторожностей, а для того, чтобы тебе не, нужно было вмешиваться в это дело, я сам буду сбивать наших агентов со всякого следа, по которому можно было бы дойти и до Карла Лефевра, и до Эрнеста Дютэиля...

— Как! Ты так рассуждаешь и сделаешь это? — вскричал Люс, растроганный до слез подобным доказательством преданности старого полицейского.

— А почему бы и нет, Л юс? — отвечал Гертлю. — Мы — старые служаки, выдавшие всякие виды, и зря болтать нам уже не след. Что касается меня, то я здесь вижу только невинно осужденных, твоего отца и мать, умерших от горя, твою невестку, пропавшую вместе с дочерью и оставшуюся без хлеба и без пристанища, и я в этом случае не на стороне правосудия, раболепствующего перед сильными, перед герцогами де Жерси и Трэнкарами. Я стою за правосудие независимое и справедливое, то, которое всецело на стороне твоей семьи и многочисленных жертв, принесенных этими негодяями в угоду своему честолюбию и желанию

скрыть свои собственные преступления... Так, решено — мы составим контрполицию и будем выслеживать наших собственных агентов.

— Для этого нужно преодолеть немало затруднений. В высших сферах будут возмущены этим рядом преступлений, совершенных в одну ночь и, при отрицательном результате розысков, может случиться, что де Вер жен будет смещен с должности в сорок восемь часов, а это чрезвычайно осложнит дело.

— Каким образом?

— Это тайна, которую он не мог мне доверить, но, судя по тем намекам, которые он высказал, я понял, что он находится, хотя и по другим причинам, но в положении весьма близком к нашему, так, как старается свести на нет расследование, предпринятое по приказанию главного прокурора и результаты которого могут повести за собой позор дл одной из самых старинных фамилий нашего аристократического предместья.

— Вот было бы ловко, если бы это дело имело связь с нашим!

— Я, как и ты, предчувствуя это... Последние двадцать четыре часа мы живем в атмосфере каких-то тайн, которые совершенно сбили нас с пути, мне же нужно лишь вот что: спасти моего брата и Дютэйля от того ужасного положения, в которое они сами себя поставили, так как, что бы мы там ни говорили, не, ведь, все-таки мы живем в правильно организованном обществе, которое не допускает мести, и, если они попадутся, то эшафот для них неизбежен... И спасти также де Вержена, который дал мне понять, что вопрос о продолжении его службы в префектуре для него почти что вопрос жизни или смерти... А эти три преступления настолько важны как по социальному положению жертв, так и по той обстановке, в которой они совершены, что, если мы не примемся за розыски, то это сделают другие раньше нас, мы не найдем преступников, — другие их найдут. Раз, дело будет направлено к расследованию, — а это случится сегодня, даже ранее наступления полудня, — то они минуют на судебный следователь будет поступать, как ему вздумаете, возьмет помощников, с которыми он обыкновенно работа с и к которым питает доверие и, если он обратится не к нам, то мы будем не в состоянии изменить ход следствия.

— Если, — продолжал размышлять Гертлю, — тождественность оружия во всех трех случаях и это проклятое слово *vendetta*, повторяющееся на каждом клинке, заставят понять прокурорский надзор, что удар нанесен одной и той же рукой, то могут передать все три дела в руки одного и того же судебного исполнителя. И это представляет собою обстоятельство исключительной важности. Не будь этой досадной

подробности, каждое дело было бы передано отдельному следователю, что так запутало бы всю эту историю, что нам не стоило бы почти никакого труда сделать так, чтобы в ней совершенно невозможно было разобраться.

— Будем молиться Богу, чтобы дело не попало в руки судебного следователя Гильоме! У этого есть чутье, верный взгляд, расстраивающий все наши расчеты, часто, благодаря его гениальной способности все предугадывать, его ожидал успех там, где всякий другой бы несомненно проиграл дело.

— Нужно прежде всего, я думаю, найти твоего брата и заставить его покинуть Францию сейчас же, вместе с его шурином. Беглые каторжники, пришедшие с целью убить своих обвинителей и судей, — дело слишком ясное... Обеспечив себя с этой стороны, мы могли бы тогда действовать более свободно.

Во время этого разговора Люс, уже несколько минут перелистывающий машинально бумаги, которые Фроле собрал по делу Поля де Марсэ, вдруг неожиданно вскрикнул:

— Вне всяких сомнений, это он!

— О ком ты говоришь? — спросил Гертлю.

— Слушай, — ответил Люс и стал читать:

Копия записки, адресованной мной господину де Марсэ — отцу.

«Вы понимаете всю важность этого дела: подлог коммерческих документов пахнет судом для вашего сына. Вы видите, что я сжигаю свои корабли и не боюсь поставить точку над i. Влияние герцога де Жерси легко может доставить пост члена Государственного Совета. Сегодня вечером, ровно в полночь, жду вас в своем кабинете в префектуре, с готовым назначением... Готовым! »

Подпись: Фроле.

— Что бы это могло значить?

— Не перебивай, слушай конец! — и Люс продолжал читать:

«Милостивый Государь! Это называется прямо пристать с ножом к горлу... Сегодня вечером, ровно в полночь, я буду в вашем кабинете, в префектуре, благоволите удалить ваших людей, дабы никто не мог подозревать о той постыдной сделке, которую вы заставляете принять меня... Вы видите, что и я также не боюсь слов в своем ответе к вам, но не вздумайте дурачить меня и оставить ваше оружие при себе: чтобы все было готово, как вы сами сказали. Доведенный до крайности, я не остановлюсь ни перед каким скандалом».

Подпись: де Марсэ.

— Понимаешь теперь, — сказал Люс, окончив чтение, — как эти два

письма освещают все положение? Поль де Марсэ стоит своему отцу от ста пятидесяти до двухсот тысяч франков в год, но и этого ему мало. И он очутился в тисках своих кредиторов. Можешь себе представить эффект, который произвел бы иск в суде, возбужденный против заместителя главного прокурора, и у него появляется мысль сделать маленький подлог. Жалоба была подана Фроле, как это часто делают люди, которые не знают, в какое судебное учреждение следует обратиться в подобном случае, а этот последний, обрадовавшись слуху, велел передать ему документы, чтобы заставить отца уплатить. Извещенный об этом отец отдал и на этот раз все, что у него было. Фроле, естественно, заявил де Марсэ, что тот получит документы только в обмен на приказ о назначении членом Государственного Совета, составленный в надлежащей форме на его имя. Вчера утром, при докладе, бедный Фроле, сказал мне, потирая руки: «На этот раз дело в шляпе, и, если у тебя есть протекция, чтобы еепустить в ход и занять мое место, теперь самое время».

Так вот, надо думать, что или герцогу де Жерси надоело все это, или его могущество оказалось не настолько велико, чтобы предоставить полицейскому кресло члена Государственного Совета, во всяком случае, де Марсэ явился на свидание, не имея в кармане бумаги о назначении. Что затем произошло? Я вижу эту сцену, как будто там присутствовал. Старый советник, готовый отдать жизнь за своего беспутного сына, просил, умолял Фроле, но тот оставался непоколебим: он вбил себе в голову надеть расшитый фрак члена Совета и ни за что в мире не хотел упустить этого случая. Но вот, устав просить и кланяться полицейскому, старик встает. Он пришел к Фроле тоже с определенным решением: он стал в свою очередь грозить. «Хорошо, пусть подадут в суд на моего сына, но и у него есть письмо начальника полиции безопасности, и через пять минут он велит его арестовать за шантаж, для чего ему стоит только пойти к де Вержену, его зятю». Я легко представляю себе, как при-этих словах, Фроле заметил ему насмешливым тоном:

— Ну, что же, идите, мой дорогой, я вас не задерживаю более!

И это был смертный приговор самому себе.

Старик поднялся, мрачный, решительный и всадил кинжал. Он сделался убийцей, отстаивая честь, потом, завладев векселем, стал вором ради своего сына!

— Знаешь, Люс, — сказал Гертлю, с восторгом глядя на него, — ты мог бы быть хорошим адвокатом! Ты произнес всю эту тираду, как заправский адвокат.

— Спасибо за комплимент, старый приятель... Ты видишь, что

настоящий убийца Фроле в наших руках, при этих письмах и показаниях относительно бриллианта самые упрямые присяжные не поколебались бы осудить его. Но тут еще одно обстоятельство, которое я не могу понять: это детальное сходство кинжала, которым он действовал с теми, которыми были в эту ночь убиты другие жертвы!

— Может быть, случай!

— Нет, при случае не может быть такого полного сходства: тот же клинок, та же ручка, то же выгравированное слово vendetta и особенно эта бороздка, в которой я нашел присутствие кураре, этого ужасного тропического яда. Если принимать во внимание только сходство оружия и обстоятельства, сопровождавшие совершенные преступления, то — здесь легко угадать месть со стороны некоторой группы лиц, а уж жертвы заставляют меня немедленно вспомнить о своем брате и Эрнесте Дютэйле. Но чего я не могу понять, так это того, что де Марсэ причастен к этой компании, что у него оказывается кинжал, который, несомненно, сделан во Франции. Может быть, когда мы узнаем, как говорят, тайну этого преступления, то увидим в этом обстоятельстве косвенное влияние Карла и его шурина, но в настоящее время никакие рассуждения не могут нам предугадать истину.

— Несомненно, что де Марсэ — убийца Фроле. В случае, если нам понадобится нанести решительный удар, чтобы выручить твоего брата, арестованного в один прекрасный день, несмотря на все мои усилия разогнать тучи, собирающиеся над его головой, мы можем воспользоваться этими документами, чтобы нам, в свою очередь, сказать господину де Марсэ: приготовьтесь...

— Нет, мой бедный Гертлю, остановимся лучше только на том наблюдении, которое мы собираемся организовать. В твои-то годы, ты еще питаешься иллюзиями! Что такое, в сущности, агенты полиции?.. Простое орудие... Нас заставят передать документы в руки следствия, и они исчезнут в ту же ночь, а игра будет проиграна.

— Ты думаешь, что он осмелится обойти нас подобным образом!

— Мы только сделаем предположение, что он побывает у главного прокурора, женатого на второй его дочери, потом снова придет к де Вержену, мужу его старшей дочери, и все будет так, как я только что говорил.

— Почему же он не действовал подобным образом и по отношению к Фроле?

— Но, наивный ты человек, ведь случай вовсе не один и тот же для одного, так и для другого его зятя, ни тот, ни другой из них не осмелился

бы припрятать вексель. Кроме Фроле, который кричал бы об этом, как сумасшедший, пришлось бы считаться еще с собственником этого фальшивого документа, которого нельзя было бы заставить молчать, как первого. Легко потушить дело среди чиновников, но раз в него замешан буржуа, это уже дело совсем другого рода... Поверь мне, Гертлю! Будем наблюдать за моим братом и его родственником и охранять их, ибо у них никого, кроме нас, нет, кто бы помешал им сложить рано или поздно свои головы на Рокетской площади.

— Постой, Люс, одна мысль!

— Посмотрим!

— Что ты по возвращении скажешь своему патрону?

— Господину де Вержену?

— Да! Ведь, мы все в том же положении, как и были при выходе из префектуры... то, что мы узнали, невозможно доверить ему!

— Ты прав, то, что мы знаем, существует только дня нас, но я поклялся господину де Вержену, что он не уйдет со службы в префектуре, и я должен сдержать свое слово.

— Есть ли еще какие другие причины., угрожающие его служебному положению?

— Нет, но и этого достаточно! Ты знаешь нашу прессу, и как легко воспламеняется общественное мнение, патрон не ошибся на этот счет! Ты увидишь, какой эффект произведет сообщение о трех убийствах, совершенных в эту ночь, из коих одно даже в здании префектуры, и об исчезновении одного из судей, когда полиция будет признаться, что она не могла задержать ни одного из преступников. Прибавь еще к этому разглашения репортеров и нападки со стороны газет на Парижскую безопасность*[note 2](#)

«Уже давно мы стараемся с тойдержанностью, в которой нам нельзя отказать, обратить внимание правительства на то скверное направление, которое занесено в различные службы полицейской префектуры, события последних дней еще раз показывают, что мы были правы... и т. д. ». Ты знаешь продолжение. Это будет один общий крик всего Парижа, и ты хочешь, чтобы полицейский префект устоял перед ним? Это значит, что, если к восьми часам утра нельзя будет послать во все газеты сообщение такого содержания: «Убийцы в тюрьме», то министр внутренних дел, чтобы спасти свое собственное положение, даст отставку де Вержену, сказав ему: «То, что я теперь делаю, мой дорогой друг, не имеет никакого здравого смысла, но необходимо удовлетворить требование общественного мнения». А новый префект, в свою очередь, не замедлит

назначить нового начальника полиции безопасности, чтобы про него могли сказать: «Вот, наконец, настоящий префект: такой и нужен во главе полиции». Все это будет ужасно глупо и не продвинет дела розыска виновных, но это успокоит Жака Бонома*[note 3](#), который, ложась вечером спать, скажет своей жене: «Если эту полицию не чистить время от времени...» — В таком случае, дело де Вержена проиграно?

— Да, если мы не придем к нему на помощь.

— Что же ты думаешь делать?

— Абсолютно ничего не знаю... Мы назначили свидание в половине восьмого утра, чтобы дать мне время поразмыслить, но, признаюсь, я не вижу никакого выхода из этого положения.

— Но, ведь, ты заявил, что у тебя явилась какая-то мысль?

— Или, вернее, сказать, средство найти эту мысль!

— Ну, посмотрим это средство.

— Что, если мы пойдем посоветоваться с человеком, который в продолжение двадцати пяти лет был настоящим министром полиции во Франции, от которого ничто не могло скрыться, ни заговоры, ни преступления, ни убийцы, к нашему старому патрону, наконец, Жаку Лорану, под начальством коего мы и начали свою службу?!

— Ты прав, тысячу раз прав! — воскликнул Люс, — только он может вывести нас из этого положения! Как это я раньше не подумал об этом... Мы здесь теряли понапрасну золотое время.

— Утешься, пожалуйста, прежде всего, было бы недурно, чтобы ты ввел меня заранее в курс всего этого дела, чтобы я не очутился в ложном положении при нем, а затем, хоть он и сохранил свою привычку и в отставке вставать рано, не можем же мы идти к нему ночью.

— Который теперь час?

— Четыре часа утра!

— У нас в распоряжении еще три с половиной часа, этого достаточно, чтобы найти средство защиты в нашем положении, если только это, вообще, возможно... Идем на улицу Лепик.

Несколько минут спустя, оба полицейских чиновника, дрожа от холода, направились к высотам Монмартра. Там одиноко жил, лишь со своей старой экономкой, бывший начальник полиции безопасности Жак Лоран, уже восьмидесятилетний старик, два поколения удивлявший всю Европу своими подвигами и служивший при четырех правлениях: Реставрации, Июльской монархии, Республики и Империи. Про него ходили разные легенды, и его мемуары, если бы он только захотел их написать, дали бы всю закулисную историю первой половины

текущего*[note 4](#) столетия. Однажды Австрийское посольство в Париже получило от своего правительства уведомление, что четыре преступника составили заговор против жизни императора Франца и скрываются во французской столице. Полицию тотчас же предупредили, и четыре дня спустя Жак Лоран писал в Австрийское посольство уведомление следующего содержания: «Четыре лица, о которых идет речь, никогда не уезжали из Вены, они скрываются в погребе привратниками третьего дома с левой стороны улицы Иолифа и должны будут стрелять в императора, когда он отправится в кафедральный собор в день памяти императрицы Марии Терезии». По проверке оказалось, что все сведения пунктуально точны, и четыре заговорщика были схвачены в тот момент, когда они снаряжали свою адскую машину, которая должна была стрелять в императорский поезд через отдушину в подвале. В другой раз какой-то чиновник из английского банка украл, как предполагали, гравировальную доску для печатания банковских билетов по сто фунтов стерлингов и различные печати для накладывания подписей. Он мог их держать у себя лишь с субботы до утра понедельника. Но этого времени ему было достаточно, чтобы сделать отпечатки настолько совершенные, что подделку билетов заметили лишь через несколько лет потому, что эта доска была изъята советом банка, и все билеты, поступавшие в банк, больше в обращение не пускались. Через некоторое время с удивлением заметили, что билетов этой серии поступило в четыре раза больше, нежели было ихпущено в обращение. Это удивление еще более увеличилось, когда пришлось сознаться, что невозможно отличить фальшивые билеты от настоящих. Стали, не без основания, подозревать одного из высших чиновников, однако, после самых тщательных розысков, открыть виновного оказалось невозможным. Отчаявшись и не надеясь более на успех английской полиции, банк обратился в полицейскую префектуру в Париже с просьбой произвести, в свою очередь, расследование, так как было выдвинуто предположение, что преступники скрылись во Францию. Жак Лоран поехал в Лондон инкогнито и условился с советом банка о тех мерах, которые следовало предпринять. Дело велось секретно. Лоран посоветовал, наоборот, сообщить номера билетов во все меняльные лавки через посредство газет, возбудить как можно больше шума по поводу этого дела, затем сделать так, как будто им совсем перестали заниматься. За несколько дней до этого старый еврей в восточном костюме открыл лавку на одной из улиц предместья, пользуясь самой худой славой. «Размен всякого рода денег. Покупка золота и серебра в слитках. Всевозможные старинные и редкие вещи».

Пять здоровых молодцов, из коих один был агент Лондонской полиции, курили и пили в комнатке при лавке, к которой примыкал погреб, запирающийся солидной дверью. Это Жак Лоран устроил свою ловушку. В первый день какой-то господин пришел предложить старинную столовую серебряную посуду, старый еврей позвал его в комнату за лавкой для того, чтобы ему заплатить, и по его знаку пять человек его обыскали и заперли в погреб, это был номер первый.

В ожидании своей настоящей добычи, Жак Лоран забавлялся тем, что очищал Лондон от самых опасных злодеев. Следующие дни тоже дали ему небольшой улов... Наконец, не прошло недели, как какой-то иностранец, с осанкой герцога и пэра, вышел из кареты, чтобы купить пару турецких туфель за два шиллинга.

— Не так уж ты ловок, мой приятель, — подумал Жак Лоран, — ты мне заплатишь сейчас билетом!

Этот удивительный полицейский чиновник «почуял», как он выражался, что новоприбывший, что называется был «его прихода». В самом деле, иностранец вытащил свой бумажник, полный билетов, и взял один из них в сто фунтов стерлингов, т. е. две тысячи пятьсот франков для того, чтобы заплатить два с половиной франка. При взгляде, который бросил на него Лоран, преступник — это и был разыскиваемый — хотел бежать, но дверь изнутри открывалась только при знании секрета. Тогда он с кинжалом в руке бросился на своего противника, но в одну минуту был обезоружен и смят Жаком Лораном и присоединен к тем пятнадцати редким птицам, которые уже сидели в клетке. Агенту английской полиции оставалось только оформить аресты. За восемь дней начальник полиции безопасности в Париже поймал пятнадцать самых опасных преступников Лондона, убийц и рецидивистов, которые уже несколько лет издевались над английской полицией, и знаменитого подделывателя билетов, который оказался бывшим контролером в отделении банка по печатанию билетов.

Совет банка выдал Жаку Лорану в виде награды сто тысяч франков, которые он все и разделил между своими агентами, не оставив себе ни сантима.

Он придерживался того принципа, что полиция никогда не должна ничего скрывать, самое широкое опубликование всегда послужит ее пользе. Так, в деле банка, опубликование имело тот результат, что все отказывались от билета с известным номером, и естественно, что преступник стал искать какого-нибудь старьевщика, менялу низкой пробы, чтобы попытаться спустить ему свои билеты. Но так как в Лондоне тысячи такого сорта лавок, то Жак Лоран переоделся ста рым евреем, грязным и

отвратительным, будучи уверен, что затрудняясь в выборе, преступник обратится скорее всего нему, так как восточный еврей должен был показаться, благодаря создавшейся у этого сорта людей репутации, более подходящим для подобных, темных дел, чем всякий другой

События показали, что он был прав. Высокого роста один из тех людей, про которых говорят: «неладно скроен, да крепко сшит», обладая геркулесовой силой, которая давала ему возможностьправляться одному с четырьмя и пять, преступниками, Жак Лоран к тому же обладал еще глубоким знанием человеческого сердца и всегда избирал самые просты и естественные средства при своих расследованиях... «Эт так и должно быть! » — часто говорили его противники. Конечно, так и должно быть, но к этому нужно было прийти

Таков был старый начальник полиции безопасности к которому два наших героя шли за советом в том ужасно! и безвыходном положении, в которое они были поставлены. Дойдя до конца улицы Лепик, Люс позвонил у двери отдельного домика, где жил старик.

— Кто там? — спросила экономка через щелку в дверь Люс назвал их имена и звания.

— А, входите же! — послышался радостный голос хозяина квартиры, который только что встал... — Какой попутный ветер занес вас так рано к Мояштрскому отшельнику.

Он в хорошем расположении духа, — быстро сказал Люс Гертлю... — Есть надежда! Он нас выручит.. , Но прежде всего сделаем вид, что мы пришли просто навестить его я знаю его слабые струнки, ни одного слова, пока он сам не спросит!

— Понял!

В это время дверь отворилась настежь, и Жак Лоран, прямой и здоровый, как дуб, несмотря на свой возраст, с лицом, озаренным доброй улыбкой, протянул к ним обе руки, приглашая войти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТРАННОЕ ОБЩЕСТВО

В этот день дон Фернандо Д'Альпухара, Португальский посланник, устраивал у себя небольшой вечер интимного характера, с участием десятка видных представителей высшего парижского общества. Там был герцог Дампнар-Конти, большой любитель скотоводства, два брата де Тремню, предки которых участвовали еще в битве Тридцати в степи Сен-Ка, большие любители поохотиться, поиграть, выпить, страшные драчунь, как и всякий бretонец старинной фамилии, Гумберт де ла Вилянтрау, капитан парохода, дон Альварес де Кастро, знатный португалец, архимиллионер и близкий друг посланника, его младший брат Эммануил де Кастро, лучше всех в Париже дравшийся на шпагах, Поль де Марсэ, элегантный заместитель главного прокурора, Андрэ де ла Сольц, неутомимый путешественник, начертавший свой герб железным наконечником палки на самой вершине Гималайских ледников. Мы ограничимся лишь этим перечислением лиц более известных.

Поль де Марсэ в первый раз был на одном из этих еженедельных собраний у посланника, которые так ценились в элегантном Париже, потому что на них присутствовало всегда лишь двенадцать человек, считая и хозяина дома.

Туда приглашались только те, кто мог предоставить доказательство, что предки его ведут свое происхождение по крайней мере от Крестовых походов. Сыновья торговцев лекарствами или слабительным шоколадом, подрядчиков, разбогатевших на аферах по слому старых зданий, испробовали все средства открыть для себя эти двери, но после, неё оставались для них запертыми, так что приглашение к Д'Альпухаре было равносильно признанию за приглашённым стаинного и чисто аристократического происхождения. Хотя Поль де Марсэ и получил через Эммануила де Кастро, его близкого друга, приглашение, но сделать это было не так легко, так как в Португалии требуется аристократическое происхождение не только со стороны отца, но и матери, а его мать, госпожа де Марсэ, была урожденная Трэнкар — имя, не только вульгарного происхождения, но и несколько скомпрометированное в финансовом мире после печальной, известной нам истории. Но Эммануил де Касти настойчиво просил, чтобы его друг был приглашен, приводил в

доказательство салический закон так осторожно ловко, что Д'Альпухара передал вопрос на обсуждение своих близких знакомых, и Эммануил добился единогласного решения десяти присутствующих, за исключением хозяина дома, воздержавшегося от голосования.

Эти десять человек составляли, так сказать, ядро собраний, — они были постоянными посетителями. Новых приглашали только по двое каждую неделю.

Поль де Марсэ, понятно, и не подозревал о той своего рода баллотировке, которой подвергалось приглашение человека с его именем, и был страшно горд, получив его от аристократа-посланника. Это являлось посвящением его в аристократы, пренебрегать чем он мог еще менее, чем, всякий другой, так как, несмотря на все уловки салического закона, Сен-Жерменское*[note 5](#) предместье никогда не могло простить его отцу, что он ввел в семью старинной фамилии какую-то госпожу Трэнкар, была еще надежда, что он женится и несколько поочистит свой герб новой связью с одной из наиболее старинных фамилий аристократического предместья, однако, он не торопился, выжидая исполнения своего честолюбивого замысла занять важный пост министра юстиции, о чем сильно хлопотал герцог де Жерси. От природы этот молодой человек обладал чрезвычайно чувствительным сердцем, но примеры Трэнкара-отца и наставления скептика де Жерси, который никогда не скрывал от него, что этот Трэнкар являлся отцом лишь *in partibus extra*, немало способствовали тому, чтобы уничтожить эти качества, зато в его жизни был элемент чисто идиллического характера, который, подобно оазису в пустыне, освещал его душу и ум среди той лихорадочной и развратной жизни, которая из среды придворных распространилась и на весь Париж.

Лет за шесть до описываемого времени случай привел его в местечко Лила. Было воскресенье и к тому же праздничное. Наступала ночь. Со всех сторон неслись веселые песни и бесконечный смех, у пресыщенного молодого человека явилось желание смешаться с этой толпой, которая не знала его, и посмотреть, откуда это веселье, что возбуждало даже его зависть. Он отоспал своего кучера и грума, сказав им, что вернется пешком или на извозчике, и направился в беседку при ресторане, ярко освещенном и отличавшемся особым, царившим там весельем.

Пять или шесть семей рабочих — отцов, матерей и детей — сидело за столами, и все взапуски работали челюстями, дело подходило уже к десерту, и дешевенькое вино, смешанное с сельтерской водой, лилось рекой. Мужчины вполголоса напевали что-то вроде прелюдии к имеющему быть концерту, но каждый тянул, кто во что горазд, женщины с

раскрасневшимися лицами хохотали во все горло, откинувшись на спинки своих стульев, между тем как дети, привыкшие за неделю к скудной пище и черствому хлебу, с остервенением набрасывались на остатки предоставленного в их распоряжение гуся и в то же время набивали свой рот кремом, миндалевым тортом и бисквитами.

Эти народные веселья и пиршества, которые скромные труженики могут себе позволить лишь изредка, возбуждая сначала улыбку, вызывают затем и слезы у всякого человека, не совсем бессердечного, когда он подумает, что эти несчастные и обездоленные могут пользоваться такими минутами беззаботности и отдыха лишь два-три раза в году.

Поль де Марсэ огляделся вокруг, подыскивая себе свободный уголок, где бы мог поместиться, но все было занято, и он хотел уже было уйти, как чей-то грубый голос вскричал: «Ну, детки, потеснитесь немного и дайте mestечко этому господину».

Поль де Марсэ обернулся на шум отодвигаемых тарелок, поблагодарил, грациозно раскланявшись, и, заняв только что предложенное ему место в конце стола, спросил все необходимое, чтобы приготовить чашку чая. Он непременно хотел сделать это сам. Хозяин ресторана, увидев вошедшего молодого человека, аристократа, изящно одетого, поспешил тотчас же ему ус служить, что касается присутствующих, особенно женщин, то все смотрели на него с тем наивным любопытством, которое простой народ выказывает в подобных случаях к людям, превосходство которых он инстинктивно чувствует.

Поль де Марсэ действительно был самый красивый и элегантный молодой человек, какого только можно себе представить. Стройный, немного выше среднего роста, полный здоровья и сил, он унаследовал еще от матери редкую красоту, которая не переставала привлекать внимание женщин. Поль де Марсэ знал об этом, но это нисколько не возбуждало его тщеславия, так как, в сущности, он не был пустым человеком или фатом, хотя, из-за своего воспитания, и не отличался устойчивостью принципов.

Присутствие его внесло сначала если не замешательство, то, по крайней мере, некоторую натянутость, которая на несколько мгновений спугнула общее веселье, так его привлекавшее. Но когда увидели, что он ласкает детей, позвал пирожника, у которого забрал всю его походную лавку, чтобы угостить ребятишек, то все решили, что это вполне порядочный молодой человек, когда же он бросил торговцу двадцатифранковую монету и отказался от сдачи, то заслужил всеобщую похвалу, которая, хоть и была высказана негромко, все-таки дошла до него: лед растаял. Некоторые предположили, что это по крайней мере клерк у

нотариуса, если только не начальник одного из отделений большого магазина Дувр. Поль де Марсэ не мог удержаться от улыбки, услышав эти забавные предположения, но как человек с тактом не стал выводить из заблуждения „ этих простодушных людей. Впрочем, подобное предположение служило на пользу тем еще неопределенным проектам, которые он обдумывал уже несколько минут, и потому он не стал никого разубеждать.

Почти против него сидела прелестная молодая девушка лет шестнадцати, которая при входе сразу привлекла его внимание.

Великолепные пепельные волосы, вьющиеся от природы и красивым овалом обрамляющие ее лицо, тонкий и прямой нос с розовыми и вздрагивающими ноздрями, свеженький, как цветущее яблоко, ротик, позволяющий видеть ее белые, перламутровые зубы, черные, как агат, глаза с черными же ресницами и бровями, розовые щечки, образовывавшие при малейшей улыбке две прелестные ямки, — вот ее дивный портрет, достойный резца скульптора.

В качестве тонкого знатока, де Марсэ с первого взгляда оценил этот прелестный цветок, казалось, затерявшийся среди окружающих его грубых и простых кустарников. Чувствуя, что на нее смотрят, молодая девушка покраснела, и краска, залившая ее красивое лицо, добавила ей прелести.

Пение и смех возобновились с новой силой и, благодаря общему одушевлению своих собеседников, молодой человек мог, сколько угодно, любоваться своей прекрасной соседкой, не привлекая внимания остальных присутствующих. Толстая женщина, сидевшая на другом конце стола, возле своего мужа, позвала молодую девушку и таким образом обнаружила имя прелестного создания его поклоннику.

— Шарлотта, — сказала она ей, — взгляни на твоих маленьких братьев, они слишком много едят и могут захворать.

— Они не хотят ничего слушать, мама, — отвечала последняя, — и хотели бы пить вино без воды, как их дядя, солдат из казармы в Нуази.

Общий смех покрыл этот ответ, и все стали пить за здоровье маленьких солдат, которые, гордясь своим успехом и чокнувшись со своими родителями, захотели чокнуться и с этим господином.

Поль де Марсэ с удовольствием согласился и взял стакан вина, который ему предложили, но с условием, чтобы ему позволили ответить тем же, это было настолько в обычаях рабочих, что отказать ему было невозможно, и он немедленно заказал четыре бутылки шампанского. По знаку, который он сделал хозяину ресторана, красное вино и простые стаканы исчезли, как по волшебству, уступив место красивым, объемистым

бутылкам с золотой головкой и широким хрустальным бокалам. После первых бутылок, тотчас же выпитых, как будто это была простая вода, без перерыва, последовали и другие. Поль де Марсэ велел поставить их в лед, чтобы остудить, и это предательское вино не замедлило отуманить головы присутствующих.

Молодой человек придинул свой стул к соседке и следил, чтобы ее бокал не оставался пустым... Начали петь старинные патриотические песни, какие только сохранились в народной памяти.

Поль де Марсэ воспользовался общим воодушевлением, вызванным вином и патриотическими песнями, чтобы поговорить с Шарлоттой и разбудить в ее беззащитном и девственном сердце первые проблески чувств... Что он ей говорил? Увы, было не так трудно смутить наивную простоту ее первых мечтаний! Разве не всякая женщина в шестнадцать лет желает, чтобы ее любили и говорили ей об этом? Он рассказал ей, что уже давно заметил ее, но не осмелился подойти к ней, его намерения были вполне чисты, а его общественное положение вовсе не выше ее. Что такое в сущности клерк нотариуса? Простой канцелярский служитель, зарабатывающий свой хлеб услугами другим людям, никакой разницы в их положении нет... Одно ее слово сделает его на век счастливым или несчастным... Он склонился к ней, молодой, красивый, обольстительный, вливая с адским искусством смертельный яд в ее юное сердечко... А родители в это время продолжали петь и ничего не видели... То, что должно было случиться, случилось! Молодая девушка доверчиво отдалась тем новым чувствам, которые ловкий обольститель сумел зародить в ней, и в тот же вечер они обменялись клятвами вечной любви.

Поль де Марсэ был не так уж виноват, как можно бы думать, он сам потерял голову вблизи этого чудного и чистого ребенка и сам влюбился с такой горячностью, которой еще не знал до сих пор, а сила и искренность его собственного увлечения сделали его только еще более опасным для неопытного и беззащитного сердца. Легко предугадать, каковы были последствия этой первой встречи молодых людей.

Три месяца спустя бедная Шарлотта, не умевшая совершенно защищаться, как и большая часть жертв обольщения, сделалась любовницей Поля де Марсэ, и в один прекрасный день, испугавшись последствий, которые уже были заметны, кончила тем, что уступила настояниям своего возлюбленного и не вернулась более под родительский кров.

Поль де Марсэ, продолжавший выдавать себя за клерка у нотариуса, имея поддержку от своих родных, поместил молодую девушку на

маленькой вилле в окрестностях Палезо, будучи уверен, что в этом уединенном месте никто не будет нарушать спокойствия его тайной для всех любви.

Шарлотта произвела на свет одного за другим четверых детей, одного мальчика и трех девочек, и Поль, любовь которого все росла, — обстоятельство чрезвычайно редкое среди мужчин его круга, — продолжал посвящать ей все свободное время и окружал ее своими трогательными заботами и знаками своей любви.

Молодая мать жила среди скромной роскоши, тихо и уединенно. Кухарка, горничная и нянька для детей составляли штат ее прислуги, и она не удивлялась этому довольству, так как Поль Сеген — это было имя, которым назывался де Марсэ — сказал ей, что он зарабатывает у своего нотариуса много денег, и этого было вполне достаточно для Шарлотты, слепо верившей всякому его слову. Молодая женщина была вполне спокойна за будущее, задержка в свадьбе была приписана его старой матери, имевшей совсем другие виды для своего сына по этому поводу, и которую Поль не хотел огорчать, но все это должно устроиться, как нельзя лучше, и Шарлотта была бы вполне счастлива, если бы время от времени ее мысли не переносились в домик в местечке Лила, куда она больше уже не заходила.

Что-то с ними сталося за эти пять лет, с ее отцом, матерью, маленькими братьями? Слезы навертывались тогда на ее глаза, но Поль старался осушить их своими поцелуями. Неужели ее не простят когда-нибудь?

Однажды утром, когда де Марсэ должен был обедать у Д'Альпухары, ею овладело какое-то страшно печальное предчувствие, накануне какие-то подозрительные люди все ходили вокруг дома, и ее охватил непонятный ужас при мысли, что де Марсэ не вернется на следующую ночь (он уходил под предлогом путешествия со своей матерью). Хотя она и привыкла к его частым отлучкам, так как молодой человек не забывал ради нее ни обязанностей по службе, ни общества, ни своих удовольствий, но все-таки очень хотела, чтобы он не уходил в этот вечер.

Поль отвечал только смехом на эту, как он говорил, нервную впечатлительность, но и он весь день был сумрачен и беспокоен. Ему казалось, что какое-то несчастье, которого он не мог предвидеть, готово обрушиться на него, и вечером, когда он пришел к Португальскому посланнику, эти черные мысли еще не совсем покинули его. Однако, веселость собеседников и роскошь обеда с помощью великолепных вин Бургундии и Рейна привели его в конце концов в нормальное настроение

духа.

Его расстроенный вид не ускользнул от друга, Эммануила де Кастро. Когда гости проходили в курительную комнату, знатный португалец, дружески взяв молодого человека под руку, увлек его в угол комнаты и сказал с участием:

— Что такое с вами, Поль, было сегодня вечером, когда вы только что приехали? Вы мне показались мрачными и озабоченными!

— Абсолютно нечего, дорогой Эммануил, — отвечал де Марсэ, — или, вернее сказать, почти ничего, пустяки, некоторые затруднения, совершенно не важные, в семейных делах, это совсем даже и не заслуживает вашего внимания!..

— Я очень рад, что ошибся, — возразил португалец, бросая на де Марсэ испытующий и пристальный взгляд... — Я думал что-нибудь более серьезное... Знаете, Поль, если вам когда-нибудь понадобится услуга...

— Спасибо за участие, мой дорогой, я об этом буду помнить не затем, чтобы воспользоваться вашим обещанием, а чтобы еще больше любить вас!

— Это мы увидим, — пробормотал про себя португалец, и его черные, мрачные, холодные, как сталь, глаза снова остановились на собеседнике, в них было скорее выражение непримиримой ненависти, чем испытанной дружбы.

В это время голос герцога Д'Альпухара, приглашающего своих гостей, положил конец их разговору. Слуги только что установили стол для игры в баккара, и каждый из гостей приглашался принять в ней участие.

Игра у Португальского посланника велась чрезвычайно крупная, и партии, составлявшиеся у него, были известны всему Парижу.

В одну из таких ночей Дампнар-Конти и турецкий посланник сели вдвоем играть в экартэ, ставка была один миллион. Турку не повезло, и он проиграл. Но на следующую ночь Халил-Бею удалось отыграться и даже выиграть пятьсот тысяч франков у своего партнера. В другой раз рассерженный хвастливостью турка, Сольц побился об заклад, что тот не примет предложенной партии. Турук, напротив, согласился. Когда противники уже обменялись честным словом, Сольц предложил ему сыграть партию на жизнь: проигравший должен всадить себе пулю в лоб. Предложение было принято турецким посланником, и два безумца, положив возле себя револьверы, хладнокровие принялись за игру. Однако, вмешались присутствующие и прекратили эту безумную партию.

Этих двух примеров достаточно, чтобы показать, до какой степени салон герцога Д'Альпухары должен был занимать общественное внимание в Париже. Де Марсэ в игре был страшно недержан. Сначала ему что

называется не везло, потом счастье улыбнулось, и к трем часам утра он был в выигрыше на двести тысяч франков, проигранных герцогом Дампнар-Конти.

Большая часть игроков, не встававших со своих мест с десяти часов вечера, выказывали уже явные признаки усталости. На свое несчастье де Марсэ предложил герцог, отыграться в экарте, на что последний согласился, по видимому, почти безучастно, как и всегда, впрочем, в подобных случаях. Это был самый хладнокровный игрок, какого только можно себе представить. Нося одно из самых громких имен во Франции и обладая таким состоянием, которого не могли истощить все его безумства, герцог всегда бывал весел, всегда улыбался и готов был к услугам тех, кто хотел бы выиграть у него сотню тысяч франков. Говорили, что он пользуется десятью миллионами годового дохода, но и эта цифра была ниже действительной. Де Марсэ, чувствовавший себя в ударе, хотел попробовать выиграть у него малую толику, чтобы собрать пятьсот тысяч франков: ему хотелось положить по сто тысяч франков на каждого из своих детей и на имя их матери, чтобы иметь возможность в подходящий момент жениться, не испытывая угрызений совести за то, что оставил их без помощи. Это вовсе не означало, что он собирался их бросить навсегда: де Марсэ вполне мог жениться, не мешая Полю Сегену по-прежнему сохранять за собой гнездышко в Палезо. Но тогда, может быть, он не будет в состоянии выделять из своих домашних расходов те двадцать пять тысяч франков, которые ему стоило ежегодное содержание Шарлотты с детьми. А он ни за что в мире не хотел бы лишать их тех удобств, к которым сам приучил.

Случай казался ему весьма удобным, он чувствовал себя в ударе, как говорят игроки, и решил этим воспользоваться. Глаза Эммануила де Кастро, все время не упускавшие его из виду, радостно блеснули, когда он заметил, что де Марсэ предложил герцогу продолжать игру в экарте. Он незаметно обменялся с герцогом каким-то знаком, значение которого было понятно лишь им двоим. Слуги принесли маленький знаменитый столик, тот самый, на котором началась безумная партия, привлекшая внимание всего Парижа, переменили свечи, положили для каждого игрока карты, и игра началась.

Ставка была назначена в 300 тыс. франков — сумма, как раз нужная де Марсэ. Первая же партия, в 100 тыс. франков, была выиграна герцогом. Надеясь выиграть третью, де Марсэ удвоил ставку и проиграл, это раззадорило его еще более, — он «зарвался», как говорят игроки, и, уже не соображая, продолжал удваивать ставки, а счастье все отворачивалось от

него. Еще партия — и он проиграл ровно миллион франков!

— Не хотите ли продолжить? — по-прежнему хладнокровно спросил его счастливый игрок. — Я поверю вам и еще «на запись»!

— Нет, довольно! — отвечал несчастный заместитель прокурора, вставая из-за стола. — К двенадцати часам дня вам будет уплачено, герцог! — и он ушел, шатаясь, как пьяный.

Эммануил и Дампнар обменялись торжествующим взглядом.

— Один есть! — пробормотал де Кастро.

Поль еще не успел сделать и десятка шагов по улице, держа шляпу в руках, чтобы освежить пылающую голову, как почувствовал, что кто-то фамильярно схватил его за руку. Он быстро обернулся: это был Эммануил де Кастро.

— Нехорошо, мой дорогой Поль, — проговорил последний с дружеской улыбкой, — нехорошо забывать о своих друзьях в минуту страданий!

Это правда, я страдаю! — отвечал де Марсэ, в душе которого блеснул луч надежды, когда он вспомнил те предложения, которые несколько часов тому назад сделал ему Эммануил.

. Вот именно, когда человек страдает, тогда-то он и должен питать доверие к тем, кто его любит. Ну, успокойтесь, я понимаю ваше положение. Вы не хотели бы просить у ваших родных сразу такую большую сумму, не так ли? Так вот, идите к себе домой, велите себе сделать ванну, отдохните, затем приходите ко мне в десять часов, и я вам одолжу эту сумму на какое угодно время.

— Ах, мой дорогой! — отвечал молодой человек, с чувством пожимая ему руки, — вы спасете мне жизнь, мне достаточно будет несколько месяцев, чтобы вернуть вам все. Спасибо! В несколько часов мне было бы невозможно достать целый миллион!

— Так решено, в десять часов, — повторил португалец своим мягким и звучным голосом, повернувшись к дому Д'Альпухары.

Обрадованный де Марсэ сел в проезжавший мимо фиакр и велел везти себя домой. Ровно в десять часов он явился в отель де Кастро.

— Ах! Какое несчастье, господин, — сказал ему привратник. — Господин де Кастро, пробуя сегодня утром револьвер, нечаянно выстрелил и сильно поранил правую руку. К счастью, напротив живет доктор, который и поспешил перевязать ему рану, а то бы я не знаю, чем это все кончилось, так как он мог потерять массу крови. Господин де Кастро лежит теперь в постели и не велел никого пускать к нему, за исключением вас!

Во время этого разговора, в продолжение которого несчастный де

Марсэ чувствовал, что им попеременно овладевают то ужас, то надежда, подошел спустившийся на звонок негр, настоящий Геркулес, пользовавшийся полным доверием Эммануила, и сделал де Марсэ знак, — он был немой, — что его господин ждет гостя. Де Марсэ вздохнул свободно.

Эммануил де Кастро, полулежал, откинувшись на подушки, с забинтованной правой рукой. Протянув гостю левую руку, сказал ему:

— Это пустяки, мой друг, доктор уверил, что у меня останется лишь едва заметный шрам на руке. Но могло бы быть и хуже: пуля снесла у меня с головы шляпу, на один дюйм пониже — и она раздробила бы мне череп.

— Ну, слава Богу, — сказал весь бледный де Марсэ, — я думал, что рана гораздо опаснее!

— Как я рад вас видеть! — продолжал Эммануил. — Мне уже стало скучно лежать одному в постели. Кстати, я сейчас избавлю вас от тех хлопот, которые так занимают вашу голову. Этот проклятущий инцидент не дает мне возможности писать, но вы это сделаете для меня. Дайте мне, пожалуйста, мою чековую книжку, которая лежит вот на этой этажерке.

— Вот она! — ответил довольный де Марсэ, передавая ему книжку.

— Нет, возьмите ее сами. Садитесь за этот маленький столик, на котором имеются все принадлежности для письма.

Де Марсэ машинально исполнял все, что ему приказывали.

— Так, — продолжал португалец, — хорошо! Какую же мы сумму проставим?

— Только один миллион, так как двести тысяч франков у меня есть.

— Нет, это вас не устраивает. Ну, будьте откровенны: по вашей манере играть я понял, что вы нуждаетесь в деньгах.

— Уверяю вас...

— Вы не доверяете мне?

— Ну, хорошо, да! Мне нужно было пятьсот тысяч франков, но без них я вполне могу обойтись.

— А если я не хочу, чтобы вы лишали себя чего-нибудь! Ну, пишите: «Выдать Полю де Марсэ один миллион пятьсот тысяч франков»... Готово.

— Право, я не решусь писать.

— Пишите, я хочу этого!

— Ну, если это так необходимо!

— Хорошо! Передайте мне бумагу, и я попробую подписать левой рукой... Невозможно... Вот никогда не думал, что так трудно писать левой рукой, не привыкнув к этому... Вы будете добры подписать чек за меня.

— За вас?! Но это же будет подлог.

— Как подлог!.. С моего согласия это не будет подлог, мой дорогой: это мое право.

— Разве ваш брат не мог бы подписать?!

— Нет, я бы хотел, чтобы это дело осталось между нами... Уверяю вас, я не понимаю вашей щепетильности. К тому же вы еще поставите мою печать, что я всегда делаю при более значительных суммах. А чтобы вас окончательно успокоить на этот счет, в документе, который мы составим после завтрака, ведь вы вернетесь составить мне для этого компанию, мы напишем, что чек подписан вами по моей просьбе.

Таким образом все устраивалось, — и де Марсэ уступил.

Эммануил показал ему свою подпись на одной из книг своей библиотеки, и заместитель прокурора вывел такую же внизу чека, вовсе не стараясь скопировать ее в точности, затем была приложена и печать. Чек был готов. Эммануил позвонил.

— Вели заложить карету, — сказал он вошедшему негру, — и проводи господина де Марсэ к Евсебию Миранда, нашему банкиру, затем ты поедешь, куда он тебе прикажет, и проводишь сюда к завтраку.

— Меня ждет внизу карета! — сказал де Марсэ.

— Отошлите ее, вы сегодня мой пленник до вечера: можете немножко и поскучать со мной, черт возьми!

— О! Можете ли вы думать...

— Поезжайте скорее. Несмотря на рану, я чувствую уже волчий аппетит.

В половине первого, как назначил Эммануил де Кастро, Поль де Марсэ уже вернулся, его лицо сияло счастьем, и он с чувством стал благодарить своего друга не только за оказанную услугу, но и за ту чисто рыцарскую манеру, с какою она была оказана.

— Не говорите больше об этом, если не хотите меня рассердить, — отвечал благородный португалец. — А теперь пусть нам подадут завтрак, очевидно, ничто так не возбуждает голода, как выстрел из револьвера в свою собственную руку!

Когда уже в конце завтрака Поль заговорил со своим другом о том документике, который они должны были составить, де Кастро ответил ему:

— Но мы хорошенъко не подумали об этом, мой дорогой, ведь мы будем абсолютно в том же самом положении.

— Как так?

— А разве вам не придется еще раз подписать за меня, что вовсе не достигало бы нашей цели?

— Вы правы!

— Подождем до моего выздоровления, которое не заставит нас долго ждать.

— От всей души желаю вам скорейшего выздоровления. Однако, по народному выражению *[note 6](#), «никто не знает, кто живет, кто умирает», и я хотел бы дать вам расписку на ту солидную сумму, которую получил от вас.

— Как хотите, мой друг!

— Теперь, когда этот документ может послужить нам гарантией, мы могли бы пригласить нотариуса, который выслушал бы ваши объяснения перед своими свидетелями, и тогда вам не нужно было бы подписываться.

— Вы забываете, мой дорогой друг, что тогда пришлось бы посвятить нотариуса в это дело, а я вам уже говорил, что хотел бы, чтоб оно осталось между нами. Мы все это устроим, повторяю, после моего выздоровления.

Де Марсэ принужден был уступить и с восторгом думал •-о великолепии и щедрости своего друга, в тот же вечер он отправился в Палезо, счастливый снова вернуться в круг маленькой семьи Шарлотты и ее детей. Однако, он не был бы так спокоен, если бы мог видеть ту сцену, которая произошла тотчас же по его отъезде в отеле де Кастро!

Не успел он еще выйти за дверь, как Эммануил вскочил с кровати, далеко отбросил бинты и повязки, которыми была обернута его правая рука, и принял одеваться. В это время вошел его брат.

— Ну? — сказал вошедший. — Как все сошло? Он ни о чем не подозревает?

— Абсолютно ни о чем! — он у нас в руках, как и его негодяй-папаша, — отвечал Эммануил.

Тогда старший брат с блестевшими ненавистью глазами загадочно произнес:

— Месть стоит дорого, но она приносит наслаждение... На другой день начальник полиции безопасности Фроле был конфиденциально приглашен к Евсебию Миранда и КО, банкирам с улицы Кастильон, с целью сообщить ему дело чрезвычайной важности. Фроле поспешил на приглашение и там узнал от директора банка, что накануне утром была уплачена Полю де Марсэ сумма в миллион пятьсот тысяч франков по предъявлении чека, снабженного подложной подписью Эммануила де Кастро, и его, в качестве начальника полиции безопасности, просили взять на себя обязательство секретно заставить семью уплатить эту сумму под угрозой принести жалобу на упомянутого де Марсэ в суд или даже главному прокурору по обвинению его в подлоге.

Фроле с радостью взялся за это дело и тотчас же отправился к старому советнику Кассационного суда, отцу обвиняемого, которому и сообщил о

том поступке, в котором обвиняется его сын, не преминув довести до его сведения и последствия, какие имел бы для Поля де Марсэ отказ семьи уплатить эту сумму в миллион пятьсот тысяч франков банкирам, владельцам этого чека. Их клиент, Эммануил де Кастро отказался принять на свой счет указанную сумму, в виду подложности подписи, имеющейся на бланке чека.

Прежде, чем предъявить ему претензию, банк Евсебио Миранда и КО подверг документ экспертизе, которая, признав грубую подделку подписи де Кастро на бланке чека, тем самым устанавливала небрежность кассира, уплатившего всю сумму, и ответственность банка перед его клиентом, Эммануилом де Кастро.

Узнав об этом, де Марсэ-отец думал сначала, что его мистифицируют, ко Фроле показал ему чек и так уверенно говорил о деталях этого дела, что несчастный отец должен был поверить очевидности, и просил только отсрочки на один месяц, чтобы рассчитаться. Но, несмотря на все его просьбы, ему удалось добиться отсрочки лишь на сорок восемь часов. Тогда он послал экстренно вызвать своего сына, который был в суде и по окончании заседания поспешил на зов отца.

— Ах, несчастный, что ты наделал?! — вскричал бедный отец, увидев его.

— Объясните, ради Бога! Вы меня пугаете, отец!

— Разве ты не получил вчера утром миллион пятьсот тысяч франков по чеку у португальского банкира Евсебио Миранда?

— Как, вы знаете?!

— Отвечай!

— Да, отец, карточный долг! Я совсем потерял голову и увлекся игрой.

— До того, чтобы сделать подлог, несчастный!

— Подлог! Что вы говорите? Ведь сам же Эммануил де Кастро предложил мне необходимую сумму, которую я, действительно, и получил у Евсебио Миранда по его чеку.

— Ты клянешься мне?

— Я, отец, не лучше, чем три четверти мужчин нашего круга, которые готовы пожертвовать всем ради своих удовольствий, но я никогда не запятнал своей чести и не лгал!

— Уф! Гора с плеч! Надо думать, что это Фроле преувеличил важность этого дела для того, чтобы...

— При чем тут Фроле, отец? — прервал его молодой человек.

— А притом, что он приходил сюда сказать, что против тебя будет подана жалоба по обвинению в подлоге, если миллион пятьсот тысяч

франков не будут уплачены Евсебио Миранда в продолжение сорока восьми часов.

При этих словах Поль де Марсэ побледнел, однако, еще не понимал всего ужаса страшной действительности.

— Подлог! Я сделал подлог! Это невозможно, отец!

— О! Надеюсь, что это невозможно! О! О Де Марсэ... и подлог! — И старик разразился нервным смехом. — Негодяй, — продолжал он, — хотел одурачить нас. Но я пойду к де Вержену, и его уволят тотчас же... Ну, мой сын, расскажи-ка, как все это произошло!

— А очень просто, отец...

Но вместо того, чтобы продолжать, молодой человек вскрикнул и закрыл лицо руками... Теперь он начал понимать ужасную действительность.

— Нет! Нет! — вскричал он, — Эммануил не способен на подобное злоупотребление доверием: это было бы чудовищно!

— Что ты хочешь сказать? — спросил отец. — Умоляю тебя, не оставляй меня в этом ужасном положении неизвестности!

Поль немного успокоился и откровенно рассказал отцу все, что произошло, начиная с его прибытия в отель Д'Альпухары и до сцены на другой день у Эммануила де Кастро.

Пока его сын рассказывал, старый советник понемногу овладевал собой, и по мере того, как рассказ подвигался вперед, ему становилось ясно, что необходимо собрать всю свою энергию, чтобы отпарировать тот ужасный удар, который хотели нанести его сыну.

— Поль, — уверенно сказал он, когда сын его окончил рассказ, — боюсь, что ты сделался жертвой гнусного заговора!

— О! Я уже об этом подумал, отец: но смотрите, как мало логики во всем этом. Для того, чтобы мстить подобным образом, нужно иметь весьма веские причины для ненависти против кого-нибудь. Ничего подобного нет между мной и Эммануилом де Кастро, наоборот, у нас имеются лишь доказательства дружеских отношений. Подобный образ действий мог бы быть понятен только при желании делать зло просто из любви к нему, но в наш век так не делается, отец.

— Я в самом деле не вижу, почему эти португальцы стараются тебя погубить, однако, должен тебе сообщить нечто важное... настолько важное, что заставляет меня содрогнуться, так как, если не ошибаюсь, это служит очевидным доказательством, что тебя завлекли в западню.

— А это нечто, отец? О, как вы мучаете меня вашим молчанием!

— Ну, хорошо: это присутствие вчера вечером друга Эммануила

де Кастро в опере.

— Вас обманули, отец, он не мог встать с постели из-за своей раны!

— Я говорю вовсе не с чужих слов: я сам его видел.

— В таком случае он был с перевязанной рукой!

— Ничуть не бывало!

— Здесь кроется какая-то ошибка, это невозможно! Мало зная их, вы приняли старшего брата за Эммануила...

— Это еще возможно, но есть средство решить этот вопрос — это отправиться в отель де Кастро.

— Я хотел предложить это вам, отец, моя карета готова уже.

Несколько минут спустя они с удивлением узнали, что оба португальца отправились в путешествие на несколько месяцев.

— Как! Несмотря на рану Эммануила де Кастро? — спросил Поль де Марсэ.

— Вы ошибаетесь, — отвечал слуга, принявший их, — господин Эммануил де Кастро совершенно здоров, как вы и я, и никакой раны у него нет!

Несчастный заместитель прокурора не знал, что и подумать, слыша все это.

— Нет раны! — повторил он машинально. — Но тогда!..

— Тогда, мой дорогой сын, — с достоинством проговорил старый советник, — ты стал жертвой аферы международных авантюристов, которые теперь подло скрылись, чтоб у них нельзя было потребовать отчета в их действиях... Когда приходится иметь дело с подобными людьми, то им только платят, не вступая в пререкания... Подожди, мой сын... завтра эти люди получат деньги.

— Милостивый государь, — сказал в это время человек, который их принимал, — не разрешите ли вы мне сказать вам пару слов по секрету?..

— Слуга этих...

— Я вовсе не слуга их.

— Так кто же вы?

И старый советник заметил, что, благодаря своему нервному состоянию, он не разглядел, что незнакомец выглядел весьма солидным и изящным господином.

— Я — первый секретарь при португальском консульстве.

Старик раскланялся и прошел в маленький кабинет, который указал ему собеседник. Когда он вышел, то был страшно бледен и держал спрятанный под сюртуком какой-то предмет, которого его сын не мог видеть.

— Что с вами, отец? — спросил молодой человек, энергия которого еще не ослабела, благодаря клокотавшему в нем бешенству...

— Ничего, сын мой! Я только убедился, что эти люди способны на все... Не заботься ни о чем, я беру на себя найти необходимую для уплаты сумму!

— Я должен герцогу Дампнар лишь один миллион, отец, у меня оставалось пятьсот тысяч франков, которые я предназначал на другую надобность и которых не трогал. Я вам их пришлю!

— Хорошо, мой сын, остальное будет еще легче достать. Теперь я должен тебя просить кое о чем: мне нужно кое-куда съездить... одному.

— И вы хотите, чтобы я вам предоставил свою карету? Старик сделал утвердительный знак.

— В котором часу я вас увижу, отец?

— Приходи не раньше, как завтра утром, я думаю, что смогу тогда тебе сообщить приятную новость, что ты уже вне опасности.

Старик помчался скорей домой, он спешил узнать, что заключал в себе маленький пакет, который ему передал секретарь посольства в качестве оставленного для него умирающим.

Едва он вскрыл его, как тотчас же с глухим стоном выпустил из рук.

— А! — вскричал он. — Это месть... — Затем, прия в себя, добавил тихим голосом: — Нет, это пробил час суда!..

Пакет заключал в себе обыкновенную визитную карточку, большого формата, как следовало по моде, на которой было два имени и следующая надпись: — Помни же!

КАРЛ ЛЕФЕВР

ЭРНЕСТ ДЮТЭЙЛЬ

Помни же!

Остров Привета (Кайенна).

— О! Мне не нужно было этих слов, чтобы вспомнить, — продолжал старик, — ибо это воспоминание душит меня. За свою жизнь я сделал только один этот бесчестный поступок. Нужно было спасти свою семью от позора... и я не устоял... Теперь мстят моему сыну... Но я его буду защищать. Он не виноват. Прежде всего, Трэнкар должен дать миллион, который мне нужен. Разве не для него я забыл свой долг, не его спас, добившись осуждения двух его, ни в чем не повинных служащих?.. Так пусть же он мне поможет теперь спасти сына, а иначе!.. — и старик угрожающе тряхнул головой, взял карточку, выпавшую из его рук, и тщательно уложил ее в свой бумажник...

В тот же день еще до четырех часов дня де Марсэ передал в банк

Евсебио Миранда, под расписку за надлежащими подписями, один миллион пятьсот тысяч франков. Немедленно ему было дано письмо на имя Фроле, предлагающее начальнику полиции безопасности передать де Марсэ-отцу советнику Кассационного суда чек, который был передан Фроле лишь на хранение.

Старик отправился в префектуру во время присутствия и, прося, чтоб для него не беспокоили его зятя, прямо прошел в кабинет начальника полиции безопасности. Предупрежденный об этом Фроле принял его снисходительно, но несколько уклончиво, и извинился за ту ужасную миссию, которую ему пришлось выполнить по отношению к господину де Марсэ единственно ради того, чтобы избежать в этом деле огласки, что неминуемо случилось бы, если б оно было передано кому-нибудь другому. Что же касается чека, то, если он не передаст его господину де Марсэ тотчас же, то только потому, что он не хотел оставлять его в префектуре в руках первого встречного. Требования службы не позволяют ему немедленно идти за ним к себе домой, но если советник согласился бы еще прийти вечером часов в одиннадцать, то документ был бы к его услугам.

Де Марсэ нашел извинение достаточным, ибо не хотел обнаруживать тех чувств, какие ему внушало поведение Фроле, до того времени, пока компрометирующий честь его сына чек не будет в его руках, а затем можно уже было вы— "вести начальника полиции безопасности на чистую воду и попросить его отставки.

Фроле, у которого тоже были свои планы, назначил такой поздний час для того, чтоб можно было свободно переговорить с де Марсэ, так как тогда уже все служащие, за редким исключением, уходили из префектуры.

Советник был пунктуален: ровно в одиннадцать часов он тихонько постучал в дверь кабинета Фроле, выходящую в коридор, ведущий в свою очередь в канцелярию префекта.

Таким образом он избегал прохода через переднюю, где находилась часть полицейской бригады. Фроле тотчас же предложил ему кресло около себя... В это время он забавлялся великолепным кинжалом малайского производства, который показал и де Марсэ.

— Я большой любитель оружия, — сказал он, — и у меня имеется его полная коллекция. Не хватало только малайского кинжала с клинком в форме пламени, снабженного желобком, с кураге, и мне вот только что сегодня подарили этот самый кинжал!

Начальник полиции безопасности поостерегся сказать, что его дали ему в отеле де Кастро, куда он сегодня ходил около полудня, и что оба португальца просили его сделать все возможное, чтоб удержать у себя чек

еще на сорок восемь часов, так как эта отсрочка нужна для их дальнейших планов. Фроле, со своей стороны, хотел воспользоваться этим удобным случаем, который ему больше никогда, несомненно, не представится, и променять свою полицейскую службу на более обеспеченное положение члена Государственного Совета. И вот, чтоб не терять времени, он с редким бесстыдством поставил вопрос ребром.

— Мне очень жаль, — сказал он старому советнику, — но я должен сообщить вам об одном досадном обстоятельстве, которого, однако, вы как судья должны бы ожидать!

— Я вас совершенно не понимаю, будьте добры объяснить! — отвечал господин де Марсэ, глядя с неподдельным изумлением на своего собеседника.

— Это очень просто, однако. Вам известно, что делопроизводство по жалобе не прекращается, если даже причиненные убытки возмещены или жалоба, поданная на обвиняемого, взята обратно, — и один лишь главный прокурор во всем государстве может прекратить дело вашего сына. Я, — прежде всего, раб долга, который говорит мне, что я должен передать в суд подложный чек и жалобу, которая была мне подана Евсебию Миранда.

— Вы серьезно это говорите? — спросил де Марсэ, отчеканивая каждое слово своей фразы и меряя с головы до ног Фроле полным презрения взглядом.

— Совершенно серьезно, — отвечал Фроле, просматривая свои бумаги и что-то напевая себе под нос, как бы с целью дать понять де Марсэ, что последнему остается лишь уйти.

— Ну, так вы — негодяй! — отвечал де Марсэ.

— Милостивый государь!

— Низкий негодяй и наглец, которого я сейчас же заставлю выгнать из префектуры.

— При помощи вашего зятя, чтоб спасти вашего сына! Сделайте одолжение, дорогой мой, ни негодяй, ни наглец, а папаша фабриканта подложных документов, сделайте одолжение: хоть посмеемся. Посмотрите, как все оппозиционные газеты завтра будут рассказывать, что префект уволил начальника полиции безопасности, потому что его шурина совершил подлог на безделицу — всего миллион пятьсот тысяч франков. А упомянутый начальник полиции, получив жалобу, отказался положить ее под сукно, считая, что равенство всех перед законом не должно быть пустым звуком, и что сильный точно так же должен быть наказуем, как и слабый, раз он совершил то же самое преступление... Эге! Какая каша тут заварится: декларация прав человека, нравственные начала, — все выйдет

на сцену, и правительство принуждено будет уволить от должности префекта и передать этот пост начальнику полиции безопасности, под давлением общественного мнения и прессы, сопротивляясь которому будет бесполезно... Ну-с, господин де Марсэ, идите предупредить господина де Вержена, который теперь в театре. Придется чересчур долго ждать его возвращения, чтобы избавиться от такого негодяя, как я!

— Это правда, негодяй держит нас в руках, — пробормотал уничтоженный де Марсэ, затем, озаренный какой-то внезапной мыслью, он встал и проговорил. — Ладно, пусть будет так! Исполняйте свой долг! — и он направился к двери.

— Постойте! — вскричал Фроле, когда уже судья готов был выйти.

— Что вы еще от меня хотите? — с достоинством ответил последний.

— Вы слишком спешите и вздохнуть людям не даете! Вернитесь, черт возьми! Можно ведь сговориться!

— Сколько же? — спросил презрительным тоном старик.

— О, не говорите о взятках! — возразил полицейский. — Ах!

Простите мое выражение.

— К чему извиняться? Так принято в вашем кругу!

— Довольно! Дело не в словах. Вы прекрасно понимаете, что я не буду у вас требовать денег...

— А что же еще другое можно вам, Фроле, дать?

— Можно, ибо я богат!

— Доказательство, что вам их часто предлагали...

— Я удовольствуюсь назначением членом Государственного Совета!

— И ничем больше?!

— Бог мой, ну, да! У меня честолюбие скромное! Судья подошел.

Внезапно у него явилась какая-то мысль и так овладела им, что он не мог уже ей противиться.

— А если б я даже согласился на вашу сделку, то вы должны понять, что у меня нет с собой в кармане бумаги о назначении членом Государственного Совета и что мне нужно время для того, чтобы пустить в ход связи своих друзей... Это невозможно потому, что чек моего сына мне нужен сегодня вечером, завтра требования возрастут. Мои страдания доставляют вам удовольствие, но ведь мое терпение имеет границы... Я завтра отправлюсь в сопровождении де Жерси во дворец, расскажу все откровенно, буду просить на коленях, и вы увидите, удастся ли мне заткнуть вам рот и спасти моего сына... Итак, если я получу чек сегодня вечером, то сделаю все возможное, чтобы удовлетворить вас, или же позвольте мне уйти!

Фроле понимал, что найденный господином де Марсэ способ непременно удастся, раз деньги были уплачены. Кроме того, произвели бы расследование: узнали бы, что черный слуга португальца сопровождал молодого заместителя к банкирам и к Дампнар-Конти, о чем Поль еще не имел времени сообщить своему отцу, и тогда обвинение показалось бы сомнительным. Затем, подпись была сделана почерком сына де Марсэ без всяких изменений, и показалась бы странным, что банк Миранда сразу уплатил по какой-то фантастической подписи. Благодаря всему этому, дело могло принять совсем другой оборот, и потому предпочтительнее было бы пользоваться тем, что есть. Серьезное обещание де Марсэ являлось еще лишним к тому мотивом и было достаточно ценным, чтобы на нем можно было уже остановиться, таким образом, решение Фроле было быстро принято.

— А кто вам сказал, что вам не возвратят чек сегодня вечером?

— Вы возвратите?

— Да, за простое обещание с вашей стороны.

— Господин Фроле, я забуду все, если вы способны таким образом поправить то зло, которое вы мне причинили, и дам вам слово...

— О, погодите одну минутку! Мне нужно письменное обещание. Я не так наивен... Теперь вы говорите: и мой дорогой Фроле, и то, и другое, а после: Фроле! Что это такое... Ничего не знаю!

— О! Негодяй! Негодяй! — про себя пробормотал старик. — Нет в нем ни капельки сердца, ничего человеческого, кроме оболочки.

И своей судорожно сжатой рукой он схватился за грудь. Еще несколько минут, — и он не в состоянии будет владеть собой... Зверь, в известные периоды просыпающийся в каждом человеке, готов был совершенно овладеть им. Берегись, Фроле, бывают минуты, когда укротитель не может справиться со своими львами!..

Но Фроле ничего не видел!

— Посмотрим это обещание, — проговорил де Марсэ, подходя к нему с ужасающим спокойствием мелкими шагами.

— Это очень просто! — отвечал Фроле. — Вы заявите: чтобы приостановить ход дела по жалобе, пустить которую было вполне в моей власти и которая была принесена на вашего сына по обвинению его в подлоге, вы берете на себя исхлопотать мне назначение членом Государственного Совета в срок до пятнадцати дней.

— И это все?

— Ах, Боже мой, ну да! — отвечал саркастически Фроле. — Я удовольствуюсь этим. Если слово не будет сдержано, то мы пустим в ход

документик.

— Ну, пишите! — отвечал старик таким спокойным тоном, что становилось страшно. — Я подпишу!

— В добрый час! Нет ничего лучше, как хорошенко сговориться! — и Фроле, взяв предусмотрительно приготовленный лист гербовой бумаги, принялся писать только что высказанное обязательство.

Де Марсэ так близко подошел к нему, что слегка касался Фроле, как будто для того, чтобы следить через плечо за тем, что писал последний. Он был мертвенно бледен, а его рука медленно и постепенно приближалась к малайскому кинжалу, лежавшему все на том же месте в конце стола... Вскоре он уже коснулся его, схватил правой рукой и быстро поднял его вверх.

— Вот, готово! — проговорил Фроле, громко читая написанное. «Я, нижеподписавшийся советник Кассационного суда, чтобы избежать судебного преследования, которое могло бы иметь место для моего сына, обвиняемого в подлоге... »

— Так умри же, негодяй! — вскричал в этот момент де Марсэ сдавленным голосом!

В то же время кинжал исчез, погруженный в спину Фроле. Удар был нанесен ниже плеча, так что задето было легкое, и Фроле упал, как подкошенный, не успев даже вскрикнуть. Убийца, не теряя времени, завладел чеком и обязательством, только что написанным Фроле, и бросился к двери, противоположной той, которая вела в переднюю, где находились люди полицейской бригады, открыл ее с быстротой молнии и пробежал в коридор, ведущий в канцелярию. Но быстрые шаги слышны в кабинете убитого, если бежать в этот громадный коридор, то его заметят и будут преследовать... Он чувствовал себя погибшим и угрюмо остановился, не зная, что делать... Еще две секунды, — и дверь будет открыта... О, счастье! Он заметил наружную задвижку, которую де Вержен приказал приделать, чтобы воспрепятствовать людям полицейской бригады проходить в коридор, ведущий в его квартиру, и которую де Марсэ должен был отодвинуть несколько минут тому назад, когда он шел к Фроле... Он быстро протянул руку и задвинул засов, как раз вовремя, так как сейчас же ручка у двери повернулась, и чей-то громкий голос крикнул из кабинета:

— Он запер на задвижку! Скорей идите кругом по главной лестнице.

Не торопясь, так как ему нужно было меньше времени для своего пути, чем преследующим, де Марсэ направился к квартире своего зятя. Да и кто бы его посмел подозревать, если даже бы и встретил? Но он все-таки поплел в сторону, противоположную той, куда должны были прийти

бросившиеся преследовать убийцу люди полицейской бригады.

Прийдя к квартире зятя, он позвонил с таким хладнокровием, которое удивило его самого... Открывшая ему дверь горничная радостно вскрикнула, ибо старика очень любили все в доме:

— Ах! Это вы, господин де Марсэ!.. Все сегодня в опере!

— Я знаю это, милая, но подожду дочь, представление должно сейчас кончиться! — • И де Марсэ направляется в гостиную, запирая за собой дверь... При помощи лампы он начинает осматриваться: ни одной капли крови на нем, кинжал остался в раке и помешал кровоизлиянию... Пока ему нечего бояться... Он спасен.

Но силы его истощились, и он, дрожа всем телом, упал на диван... Он задыхался.

— Убийца! Я — убийца! — бормотал он.

Но сейчас же ему снова пришлось собрать все свои силы: послышался шум голосов из передней, это вернулись госпожа де Вержен и ее дочь...

Почти в тот же час, когда Поль де Марсэ исчез так странно при проезде через Кожевенную набережную, два каких-то человека подъехали в карете к вилле Палезо и выразили желание поговорить с госпожой Сеген по поручению ее мужа: Поль и молодая женщина в этом маленьком mestечке считались мужем и женой.

Слуги сначала отказались будить свою госпожу, но Шарлотта, услышав шум, поспешило оделась и сошла вниз. Оба посетителя были великолепно одеты и выглядели чрезвычайно солидно, так что Шарлотта ни минуты не сомневалась, что они посланы Полем. Она была так взволнована, что не заметила, с каким особенным волнением смотрел на неё один из незнакомцев. Как только посетители прошли в гостиную, старший из них, не дав времени Шарлотте спросить у них о причине их визита в подобное время, сам поспешил объяснить ей цель их прихода.

— Мы посланы, действительно, вашим супругом, — сказал он, раскланиваясь, — с поручением проводить вас к нему. Сегодня утром он уехал в Лондон, посланный туда нашим патроном — мы работаем вместе с ним в одной и той же конторе, — по одному весьма важному делу о наследстве одного из наших клиентов, и у него не было ни одной минуты, чтобы предупредить вас об этом. Придя сегодня утром в контору и едва получив необходимые инструкции, он должен был сразу сесть в фиакр и ехать на Северный вокзал, чтобы сесть на поезд в Кале. Мы были назначены ему в помощники в трудном, возложенном на него деле, но нам нет необходимости быть всем сразу в Лондоне. Достаточно и одного для предъявления документов и установления их давности перед английским

судом... Ваш супруг должен был вам написать из Лондона, куда он прибыл сегодня вечером. Несомненно, ему показалось скучно оставаться без вас на неопределенное долгое время, поэтому сегодня вечером в 10 часов мы получили от него следующую телеграмму:

«ЛОНДОН, 7 ЧАСОВ 35 ПОПОЛУДНИ. ПРОШУ МОИХ ДРУЗЕЙ СЭРВЕ И РОБЕРТА — ЭТО МЫ, СУДАРЫНЯ, — ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ОБЯЗАННОСТЬ ПРИВЕЗТИ ЗАВТРА С СОБОЙ ГОСПОЖУ СЕГЕН. ДЕЛО ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ И ЗАПУТАННОЕ, ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРЕДПОЛАГАЛ ПОДПИСЬ ПОЛЬ СЕГЕН».

Чтоб поехать с нами, вам следует отправляться с первым утренним поездом, и мы, как видите, не имели времени ждать более подходящего часа для нашего визита к вам.

Эта речь была произнесена самым естественным тоном, и у Шарлотты не было причин думать, что ее обманывают. К тому же Поль де Марсэ, чтобы иметь в своем распоряжении свободное время, часто объяснял свое отсутствие необходимостью заниматься в кабинете, так что Шарлотта вне себя от радости, ни минуты не сомневалась в действительности того поручения, которое приняли на себя оба посетителя. Сердечно поблагодарив их за те хлопоты, которые она им причинила, она предложила им свое гостеприимство до следующего дня и обещала быть готовой к указанному часу.

При вилле было несколько комнаток для гостей. Но прежде, чем отправиться в ту из них, которую молодая женщина предоставила в их распоряжение, один из посетителей, назвавшийся Сэрве, попросил разрешения посмотреть детей своего друга. Я Шарлотта, счастливая, как всякая мать, показать своих детей, провела незнакомца в комнату, где спали ее четыре крошки. Долго неподвижно стоял Сэрве около детских кроваток, пристально смотря на эти маленькие прелестные существа, спавшие со скжатыми в кулаки ладошками, вдруг слезы хлынули из его глаз, и, наклонившись к детям, он стал горячо обнимать их.

— Вы очень любите детей, — сказала растроганная молодая мать, — может быть, вы потеряли кого-нибудь из своих детей?

— О, да, сударыня, я их ужасно люблю, а мое горе — следствие потери дочери, которая теперь была бы приблизительно ваших лет и которую, как и вас, звали Шарлоттой!

— Давно это было?

— Да, сударыня, очень давно!

— О, как это ужасно, должно быть, смерть ребенка! Мне кажется, как будто тогда отрывается часть собственного сердца матери!..

— Моя дочь не умерла, ее отняли у меня, когда она была еще совсем ребенком, и я с тех пор уже никогда не видел ее.

— Как вы страдали, должно быть, — сказала молодая женщина с трогательным участием, делавшим ее еще более привлекательной. И Сэрве впился в нее глазами, полными слез. С трудом он пришел в себя.

— Вы — такая добрая и выказываете столько участия. Простите, если я возьму на себя смелость обратиться к вам с просьбой, которая не должна вам показаться оскорбительной. Вы видите, у меня почти седые волосы, и я мог бы быть дедом этих прелестных малюток, надеюсь, вы примете мое извинение...

— Говорите, я уверена, что мне не придется вам отказать!

— Вы так мне напоминаете ту, которую я потерял, что я был бы счастлив, если б мог отечески поцеловать вас.

Покраснев, молодая женщина минуту колебалась, но Сэрве стоял в такой печальной и почтительной позе с влажными от слез глазами, что она грациозно наклонила свой прекрасный лоб. Незнакомец, сильно взволнованный, крепко поцеловал его и, не будучи в состоянии сдержать свой сердечный порыв, обнял и горячо прижал ее к груди, приговаривая:

— Дочь моя, Шарлотта дорогая, если бы ты только знала, что выстрадал твой бедный отец!

Ничуть не рассердившись за этот порыв нежности, предназначавшийся, по ее мнению, другой, молодая женщина была тронута до слез. И вспомнив о своем отце и своей матери, которых покинула с тем, чтоб их уж больше не видеть, и Шарлотта расплакалась.

— Я вас оскорбил, сударыня? — печально спросил Сэрве. — Простите меня, вы мне дали несколько редких в моей жизни минут счастья: мне на несколько мгновений казалось, что я держу на своей груди мою дочь...

— Я так рада за вас, и ваша отеческая ласка не могла мне быть неприятной, ибо я поняла ее значение!

В это время один из ее детей пошевелился в своей колыбели, как будто собираясь проснуться, свет свечи мог смутить его покойный сон. Это послужило сигналом к тому, чтоб уйти из комнаты.

— Еще одно слово, — сказал Сэрве молодой женщине. — Я забыл вам сообщить, что ваш супруг предоставляет вам свободу в отношении детей. Он понимает, что вы долго не можете обойтись без них, да и сам был бы счастлив, если б не был лишен их детских ласк.

— Как он добр! — сказала Шарлотта в порыве нежности. — Спасибо, что меня сейчас предупредили, было бы поздно начинать приготовления к отъезду лишь по пробуждении детей!

— Само собой разумеется, что слуги тоже должны ехать, так как они нужны детям, предупредите их, сударыня, чтоб они были вовремя готовы.

Сэрве и его друг низко раскланялись перед Шарлоттой и удалились в свою комнату.

Едва ли было десять часов, когда все уже выехали из Палезо, а по приезде в Париж сели в элегантную вместительную карету, которая менее, чем через двадцать минут остановилась у Северного вокзала.

По телеграфу Сэрве заказал на пароходе отдельный маленький салон для того, чтоб молодая мать могла остаться одна со своими детьми, хотя переход от Кале до Дувра продолжался едва полтора часа, и Шарлотта с радостью села на океанский пароход, довольная, что скоро будет в объятиях своего горячо любимого Поля... Ни малейшее подозрение о действительной миссии, которую выполняли два незнакомца, не смущило ее душу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КАТОРЖНИКИ

Когда Люс и Гертлю в сопровождении старого полицейского прошли в кабинет Жака Лорана, то увидели, что последний взял большое письмо, лежавшее открыто на столе, положил его обратно в конверт и тщательно запрятал.

— Вы хотите знать, что там такое? — спросил, улыбаясь, стариk.

— Ничуть, уважаемый патрон! — отвечал Люс. — Ваши дела нас не касаются, и...

— Та! Та! Та! — усмехнулся Жак Лоран, — это между нами-то такие церемонии... Вы так же хорошо, как и я, мой дорогой Люс, знаете слабости человеческой натуры и не станете отрицать, что я не мог бы вам поверить. Бьюсь об заклад, что, если перед глазами кого бы то ни было медленно свертывают письмо, телеграмму или что-нибудь другое в этом роде, то у всякого, независимо от его воли явится следующая мысль: «Я очень хотел бы знать, что там такое в этой бумажке, которую так тщательно свертывают при мне...» Эта первая мысль. А далее вы можете встретить целый ряд вариаций.

— Вы, Люс, — невозмутимо продолжал Жак Лоран, — испытав общее для всех людей, как я сказал, чувство любопытства, задали себе вопрос, почему это я спрятал письмо в вашем присутствии. И вы сочли оскорбительным, что я не подождал вашего ухода, чтобы сделать это. Не правда ли?

— Честное слово, уважаемый патрон, вы — просто дьявол в человеческом образе!

— Что касается тебя, Гертлю, то хотя ты и не был в течение тридцати с лишком лет моим помощником, я знаю тебя не хуже себя самого: любопытство у тебя проявилось лишь в слабой степени, ибо ты прежде всего человек порядка и дисциплины. Ты сказал себе, «как наш патрон сильно изменился с тех пор, когда отошел от дел: он может оставлять письма открытыми на своем столе», и ты сделал из этого вывод, может быть, и не отдавая себе ясного отчета при этом, что письмо, должно быть, не представляет собой особой ценности, между тем как Люс, наоборот, предполагал, что оно чрезвычайной важности... Ну, я не ошибся?

Оба полицейских переглянулись с изумлением и отвечали почти одновременно:

— Это изумительно, патрон!

— Можно подумать, что вы читаете у нас в душе, — продолжал Люс.

— И надо сознаться, что покой не притупил ваши способности! — воскликнул с восторгом Гертлю.

— В сущности, — снова заговорил бывший начальник полиции безопасности, — вы, может быть, принимаете все это за пустую болтовню, так как я знаю, что вы спешите со мной переговорить. Но ведь именно на изучение мелочей и, по-видимому, ничтожных пустяков обращали внимание все гениальные сыщики. Так вот, предположите, что в этом письме имеется следующая фраза: «Сообщаю вам, что сегодня в ночь, между одиннадцатью и двенадцатью часами, Фроле будет убит кинжалом в своем кабинете, в Полицейской префектуре».

Оба полицейских, бледные, взволнованные, при этих словах подпрыгнули, как на пружинах, вскрикнув от удивления, к которому примешивался даже ужас.

— Что с вами такое? — спросил Жак Лоран с удивленным видом. — Можно подумать, что вы сговорились не слушать меня спокойно! Я продолжаю: имя убийцы неизвестно, но про него, — опять таки все это предположение, — много пишется в этом письме, которое, будучи оставлено на моем столе, было бы прочитано одним из вас. Кем? Я этого не знаю, но, принужденный высказаться по этому поводу, не поколебался бы допустить, мой дорогой Люс, что у вас любопытство полицейского оказалось бы сильнее чувства сдержанности и дисциплины, между тем, как у Гертлю наоборот, и я уверен, что не ошибся бы! Прилагайте подобный метод анализа и вывода из него следствий к расследованию преступления, и вы почти всегда получите удовлетворительные результаты. Теперь, друзья, я не буду вас больше мучить, я не хотел только прерывать свое изложение и должен сказать, что действительно письмо, о котором я только что говорил, сообщало мне не только об убийстве Фроле, но и об убийстве в ту же ночь Трэнкара и нотариуса Пети-Лендрю. Много ли правды во всем этом? Мне чрезвычайно интересно это знать.

— Вас не обманули,уважаемый патрон, — отвечал Люс. — Все, что вам сообщили, случилось. Мы пришли сказать вам об этом, кроме того, еще сообщить, что молодой заместитель главного прокурора, приблизительно в тот же час, был схвачен какими-то оставшимися неизвестными людьми на Кожевенной набережной.

— Совершенно верно. Это тоже составляет часть сведений, полученных мною!

— Кто же мог вам дать знать о событиях, еще не случившихся?

— Люди, которые, по-видимому, управляют событиями, пока они еще

не совершились. Вы их узнаете позднее!

— Уж очень напоминают мне эти самые люди, — возразил Люс, — тех, по чьему приказанию совершились события этой ночи или которые сами непосредственно выполнили их!

— Вы забегаете вперед, друг! Недаром я горжусь своим старым учеником! Но чего вы еще не знаете, мой дорогой Люс, и не можете знать, это часть таинственного письма, которой оно заканчивается. Так слушайте же! — и Жак Лоран, вынув письмо из своего портфеля, стал громко читать:

«Когда совершится этот акт правосудия, мы бы очень просили вас, дорогой Жак Лоран, сделать все возможное, чтобы высокоуважаемому де Вержену, префекту полиции, и Люсу, который, несомненно, будет назначен начальником полиции безопасности, не пришлось ответить за неуспех розыска преступников, которых они никогда не откроют... »

— Ваш неизвестный корреспондент немножко поторопился! — вставил Люс.

— Вы гораздо худшего мнения об его дальновидности, чем он о вашей, подождите конца...

«... Которых они никогда не откроют официально... » Это значит, как мне кажется, что, если даже вы их и будете знать, то не сможете арестовать по той или другой причине! «... Господин де Вержен в настоящее время... — слушайте хорошенько, это последняя часть письма, — не может уйти со службы в Полицейской префектуре: он получил секретное поручение от самого короля употребить все возможные средства, чтобы спасти от эшафота , герцога де Вержи Куаслен, пэра Франции, арестованного по приказанию министра юстиции шесть недель тому назад, и над головой которого тяготеет обвинение в убийстве, сделайте все, что только в человеческих силах, чтобы не только поддержать де Вержена в этом деле, ибо мы никогда не забудем того, что было сделано для нас герцогом в памятных для нас обстоятельствах, но и дать возможность герцогу бежать. Не жалейте ни труда, ни золота... особенно золота, открывающего все двери... Месть и признательность, вот тот девиз, который принят нами».

Понимаете теперь, каким образом, давая в связи с этим письмом вам урок психологии полицейской службы, — а надо вам напомнить, что, ведь, это мой конек, так как я считаю, что полиция должна работать головой, а не ногами, — так, я говорю, понимаете, почему мы не потеряли это время... Я знаю, что вы хотели мне рассказать, а вы знаете, что я вам мог ответить: значит, нам остается только действовать. Чтобы пояснить, скажу вам в двух словах, что ваш брат, мой дорогой Люс, и Эрнест Дютэйль, много лет тому назад бежавшие из Гвианы, вернулись в качестве представителей

правосудия, чтобы отомстить тем негодяям, которые осудили их, и которым они резонно приписывают печальную кончину ваших родителей, не перенесших горя и нищеты, так же, как и смерть сестры Дютэйля, жены вашего брата...

— А моя племянница Шарлотта?

— Она не умерла, я в конце концов нашел ее, и теперь она, должно быть, в объятиях своего отца.

— Да благословит вас Бог, Жак Лоран!

— Спасибо, это никогда не мешает... Я один из тех, кто все-таки верит в божественное правосудие. Ваш брат Карл и его родственник всегда возбуждали во мне живейшее участие, никогда, если бы только я был еще начальником полиции безопасности, они не были бы осуждены. Но Фроле поступил в этом деле как подлец, и я должен вам объяснить его смерть! Этот негодяй получил секретное поручение внезапно произвести обыск в банке Трэнкара, у него на квартире и везде, где ой найдет нужным сделать это в интересах выяснения истины. У этого мерзавца был нюх, и он направился прямо в замок герцога де Жерси, Шуази. Герцога не было дома, испуганные слуги не протестовали против обысков полиции, и настоящие книги! господина Трэнкара, послужившие материалом для составления новых, которые могли бы ясно, как день, доказать невиновность обвиняемых, были найдены в какой-то старой бочке, у которой Фроле приказал выбить дно. Негодяй понял важность этой находки и заставил уплатить за свое молчание сто тысяч франков... Как вы находите, заслужил он свою участь?

— Я не знал этого факта, — отвечал бледный от негодования Люс, — и поистине его смерть была слишком легкой для такого преступления!

— Вы знаете, кем он был убит?

— Да, де Марсэ, чтобы спасти своего сына... Я думаю, что мой брат тут ровно ни при чем!

— Пожалуй, да! Но устроил все это я!

— Возможно ли!

— А все — знание человеческого сердца, дорогой. Во мне вы видите директора банка Евсебио Миранда. Я знал, что Фроле способен на все, чтобы только заседать в Государственном Совете, а де Марсэ пойдет даже на преступление с целью защитить своего сына. Столкновение этих двух характеров и должно было привести к ужаснойвязке. Вот тогда-то Поль де Марсэ и был приглашен к графу Д'Альпухар, интимному другу вашего брата, мой дорогой Люс!

— Вы шутите! Португальский посланник и друг беглого каторжника!

— Ничуть, Люс, я говорю вполне серьезно! Впрочем, сам Карл сообщает вам еще более удивительные вещи! Герцог Дампнар-Конти, для которого не секрет всевозможные приемы игры в карты, выигрывает у Поля де Марсэ баснословную сумму, которую молодой человек уплачивает по чеку своего друга Эммануила де Кастро, состоящего клиентом банка Евсебио Миранда, основанного специально на этот случай. И вот оказалось, что чек с физической, так сказать, стороны, был подложный, хотя, по существу, настоящий, так как Эммануил, действительно, одолжил эту сумму своему другу. Но так как он был ранен в правую руку, как о том говорил, то и заставил подписать свое собственное имя на упомянутом чеке молодого де Марсэ, на имя которого был написан чек: с официальной точки зрения подлог остался по-прежнему неоспорим. Тогда я вывел на сцену Фроле, подав ему жалобу, которой он так ловко воспользовался, что де Марсэ, доведенный до крайности, кончил тем, что стал орудием нашей мести. Остальное вы знаете... Я не думал, что все так хорошо удастся, но уже говорил вам: изучайте характеры людей и вы будете играть ими, как марионетками... Я сказал уже, что чувствовал к Карлу и его родственнику самую искреннюю симпатию, и после их осуждения не переставал интересоваться ими. С целью устрайства их побега я стал посредником между богатым банкиром Р., герцогом де Вержи-Куаслен, с одной стороны, и американскими судохозяевами — с другой, последние снарядили судно, принявшие их на свой борт после бегства из Кайенны. Для этого мне пришлось экстренно съездить в Нью-Йорк. С тех пор мы не переставали переписываться, а когда они вернулись во Францию, чтобы восстановить справедливость и выполнить свой акт мести, которой они посвятили свою жизнь, то я помогал им советами и своим опытом. Мы взяли бумаги, относящиеся к их делу, и под" председательством графа Д'Альпухары, в присутствии обоих де Кастро в качестве членов суда, произвели ревизию всего процесса. Я был и главным прокурором, и защитником обвиняемых. Фроле, Трэнкар и Пети-Лендрю были приговорены к смерти. Я советовал их казнить в одну и ту же ночь, а когда все приготовления были закончены...

— Приготовления?

— Конечно, нужно было, чтобы ни один из нас не рисковал даже одним волосом... Оба дома, где жили Трэнкар и нотариус, были куплены, в то время, пока эти господа были на морских купаниях, там сделаны были все необходимые приспособления: средняя часть потолка в спальнях вращалась таким образом. Что образовался проход для выполняющего приговор, ждали только, чтобы наладилось дело Фроле-Марсэ и последнего

их свидания, когда можно было назначить день исполнения приговора... Что касается молодого де Марсэ, который обвиняется кое в чем другом, то менее, чем через двое суток ему будет дана возможность исправить свою ошибку.

— Удивительный вы человек, дорогой Лоран, — воскликнул Л юс, — можно думать, что слышишь сказку из «тысячи и одной ночи»! Если бы мы не знали вас столько лет, то не поверили бы!

— Все это делается лишь полицейским любителем... Ну, наконец, я вижу по вашим сообщениям, что все до сих пор удавалось как нельзя лучше, остается только одно дело, которое я лично взял на себя и о котором еще не получал никаких сведений...

В это время, как бы в ответ на последние слова, раздался резкий стук в дверь кабинета. Жак Лоран побежал открывать, и через минуту в комнату вошел человек высокого роста, в мягкой фетровой шляпе, надвинутой на глаза, и в широком плаще, покрывавшем всю его фигуру.

— Слава Богу, герцог, вы спасены! — сказал бывший начальник полиции.

— Все идет так, как только можно пожелать! — отвечал вновь прибывший. — Труп, посланный из клиники, был при помощи подкупленных сторожей спрятан в матраце, который мне разрешили принести из моей квартиры, а носильщики при входе попросили записать в канцелярию три имени для того, чтобы такое же число людей могло потом выйти. Труп, одетый в мое платье, был повешен на перекладинах, имеющихся в окне тюрьмы. Благодаря предосторожности, принятой в канцелярии, я мог выйти без всяких затруднений, и вот я здесь.

— Сегодня же, герцог, вам нужно ехать в Англию с моими друзьями, присутствующими здесь!

— С нами?! — переспросил Люс удивленно.

— Да, с вами! Иначе герцог не мог бы сесть на пароход: его бегство днем уже будет замечено, если это еще не случилось теперь, и все выходы будут охраняться так же, как и вся граница! Между тем как отправляясь с начальником полиции безопасности и его помощником, он абсолютно ничем не рискует.

— Но каким же способом мы можем отправиться в Англию?

— Это очень просто! С официальным поручением де Вержена — преследовать похитителей де Марсэ.

— Никогда мы не получим его. Ведь в эту ночь было совершено три убийства, виновников которых придется все-таки разыскивать!

— Бесполезно трудиться по этому поводу: я все предвидел, в беседке

моего сада три бесшабашных удальца, которыми я пользуюсь во всех щекотливых случаях. Я их достаточно выдрессировал, и они готовы играть несколько дней роль троих убийц... Вы поведете их с цепями на шее и руках и войдете в здание префектуры по секретной лестнице, а пока Люс проведет к де Вержену убийц Трэнкара и нотариуса Пети-Лендрю, Гертлю даст тревогу, сбегутся агенты и найдут убийцу Фроле в ящике для дров, куда вы его посадите при входе. Все трое заявят, что составляют часть шайки, называющейся каторжники-мстители и организованной с целью мстить своим судьям и полиции. Пройдут целые месяцы в розысках их соучастников, и в один прекрасный день, когда общественное мнение уже успокоится, мы, в свою очередь, дадим возможность и им бежать. Вы думаете, что де Вержен вам откажет после всего этого в том, чтобы дать поручение идти по следам похитителей его шурина до самого Лондона?

— Конечно, нет!

— В таком случае все пойдет превосходно, вы велите написать на предписании: «Начальник полиции безопасности, его помощник и один агент», и благодаря этой надписи получите место на пароходе без всяких затруднений.

— Какой гениальной изобретательностью одарила вас природа! — ответил Люс. — В восемьдесят лет вы еще более молоды и ловки, чем мы все!

— А теперь, господа, не теряйте времени. Нужно, чтобы вы успели сегодня вечером сесть на пароход, идущий в Дувр... Идемте, я вам доставлю ваших пленников, они просят только одного: чтобы их занесли в список предварительно заключенных, имеющих право курить, и передавали через канцелярию по пять франков в сутки, с которыми они заживут на славу. Вы видите, что они очень умеренны. Впрочем, они будут вести себя так, что не придется лишить их привилегий... Кстати, я забыл... В случае расследования, они сумеют так запутать дело, что самый ловкий следователь ровно ничего не разберет.

С этими словами, он открыл маленькую дверь, ведущую в коридор, потом другую в конце его и сказал добродушным тоном, никогда не покидавшим его:

— Ну, мои овечки, бесполезно вам дальше прятаться! Ваше преступление открыто, дайте добровольно вас арестовать. И три верных помощника Жака Лорана вышли из беседки, где они ждали подходящего момента выступить на сцену, спокойно дали надеть себе на руки цепи, так как следовало предвидеть случайную встречу с городской полицией, делающей обход.

Два часа спустя Люс вернулся со своим компаньоном, снабженный предписанием на поездку в Англию, в котором было сказано, как просил Жак Лоран: «Начальник полиции безопасности, его помощник в сопровождении одного агента». Герцог де Вержи-Куаслен был спасен. Вне себя от радости, узнав об удивительной поимке своими подчиненными преступников, де Вержен не мог им ни в чем отказать.

— Вы спасете меня, господа, — сказал он, — и можете быть уверены, что я этого никогда не забуду!

Все газеты были отправлена заметка, сообщавшая о тройном убийстве и одновременно об аресте убийц. Большая часть газет выпустила второе утреннее издание, где не скучились на похвалы префекту полиции и его подчиненным. В один голос парижская публика восхваляла также бдительность и ловкость агентов полиции безопасности. Сам Жак Лоран говорил, что «это — одно из самых удачных дел, которые он выполнил за всю свою жизнь».

Бегство герцога оставалось тайной, высшие власти воспользовались хитростью, которая была употреблена, чтобы показать, что герцог повесился в тюрьме, и этим был положен конец всякому волнению в обществе.

К четырем часам Люс и Гертлю пришли за герцогом, соответственно переодетым, и были готовы выполнить поручение, возложенное на них Жаком Лораном, они должны были пообедать где-нибудь поблизости Северного вокзала и потом сесть на шестичасовой поезд, согласованный с отходом почтового парохода.

Бывший начальник полиции передал Люсу запечатанный конверт, который тот должен был вскрыть лишь в Лондоне в отеле Charing-Cross, где он рекомендовал Люсу остановиться. Эта бумага заключала в себе дальнейшие распоряжения, которые Люс обещал выполнить.

Едва оба полицейских и их компаньон скрылись за угол улицы Лепик, как Жак Лоран сказал самому себе с неопределенной улыбкой:

— Ну, все хорошо идет в Париже! Посмотрим, пройдет ли все так же хорошо в Лондоне.

И он направился в свою туалетную комнату, расставил на мраморном столике всевозможные флакончики, различные составы, примочки, которые служили ему для гримировки, когда того требовали его планы, и менее, чем через час никто не смог бы узнать восьмидесятилетнего старика в человеке лет пятидесяти не более, который вышел из дома бывшего начальника полиции с легоньким чемоданчиком в руках. Жак Лоран придал своим совершенно седым волосам и бороде красивый золотистый цвет, тот цвет,

который так любили великие художники шестнадцатого столетия, и который так шел к яркому цвету лица венецианцев. Лицу он придал слегка бронзовый оттенок, а подбивши немного подбородок и разделив бороду на две части, получил великолепные бакенбарды на английский манер, придававшие ему весьма солидный вид. Он походил на генерала, который по приезде из Индии собирается провести сезон в Англии. Интересно, что он сел в то же купе, что и Люс со своими спутниками, завязал с ними разговор на французском языке с удивительно воспроизведимым иностранным выговором, и никем из них не был узнан. По прибытии в Отель Charing-Cross он приказал проводить себя в 75-ый номер, заказанный им по телеграфу еще накануне. Не прошло и пяти минут, как он услышал стук в дверь.

— Войдите! — сказал он своим естественным голосом. Дверь открылась, и перед ним предстал Люс со своими двумя спутниками, с удивлением узнавший своего попутчика.

— Извините, генерал, — пробормотал Люс, — мы, должно быть, ошиблись комнатой. В письме, которое он только что распечатал, было несколько слов: «Порядок вашей дальнейшей деятельности будет вам указан другом в комнате № 75 того отеля, где вы остановитесь».

Уже давно привыкнув к образу действий бывшего начальника полиции, Люс не был удивлен этой краткостью сообщения и спокойно направился в указанное место.

— Нет, вы не ошиблись, мой дорогой Люс, — отвечал со смехом Жак Лоран. — Надо думать, что я чрезвычайно помолодел со вчерашнего дня, что вы не узнаете меня!

— Никогда полиции уже больше не видать такого человека, как вы! — сказал Люс, покачав головой. — И я удивляюсь, что вам дали отставку!

— Дорогой мой, это — урок, которым вы должны воспользоваться! Я становился более сильным, чем префект, и даже, чем сам министр внутренних дел: оба они, несмотря на нежелание, чувствовали мое влияние и в конце концов предложили мне отставку. Однако, я заболтался, а у нас времени мало, так как уже ровно одиннадцать, а завтрак назначен на двенадцать. Идите и займитесь вашим туалетом, наденьте фрак, белый галстук и зайдите за мной, за это время и я приоденусь!

— Ну, — сказал Люс, — нам преподносят сюрприз за сюрпризом, тайну за тайной! Остается только повиноваться!

В половине одиннадцатого все четверо сели в карету заказанную Жаком Лораном, и подъехали к частному дому. У подъезда толпилось до полдюжины лакеев, стоял дворецкий.

Человек средних лет поспешил им навстречу и с чувством пожал руку Жаку Лорану.

— Ждали только вас! — сказал он ему.

— Как все прошло? — отвечал последний.

— Ничего еще нельзя сказать: молодые люди не виделись!

— Это будет интересно.

— Идемте скорее!

— Позвольте вам представить моих друзей. Господа, граф Фернандо Д'Альпухара, португальский посланник в Париже! А теперь мы идем за вами!

Вновь прибывшие были проведены в обширный зал в нижнем этаже, отделанный с безумною роскошью, какую только можно себе представить.

— Что бы вы ни увидели, ни услышали — молчите! — предупредил Жак Лоран своих друзей. — Это необходимо!

Вокруг большого стола в стиле Людовика XV стояли торжественно одетые господа Д'Альпухара, Альварес и Эммануил де Кастро, Дампнар, оба Трэвенана и капитан парохода де Ла Виллантура. Возле них находился городской мэр.

— Введите жениха и невесту! — приказал Д'Альпухара. Открылись две двери, и с двух противоположных сторон раздался в одно и то же время крик:

— Шарлотта!

— Поль!

Вся дрожа, молодая женщина выступила вперед...

— Вы здесь, Шарлотта! Что это за комедия? — вскричал Поль де Марсэ. — Потом, заметив мэра, которого узнал по костюму, он продолжал. — А! Вот и судья! — и, обращаясь к нему, проговорил. — Милостивый государь, я приношу вам жалобу на присутствующих здесь людей! Насильно схваченный и задержанный со вчерашнего дня...

— Подождите! Именем закона! — прервал его мэр. — Все по порядку! Я через минуту приму вашу жалобу. Но прежде я должен вам сообщить, что против вас имеется жалоба в совращении малолетней, поданная графом Альваресом де Кастро, который обвиняет вас в похищении его дочери, девицы Шарлотты де Кастро, она была отнята от ее семьи в младенчестве и, наконец, найдена своими родителями.

— Что вы мне говорите?! — отвечал несчастный, сбитый с толку этим объявлением. — Если это комедия, то пусть она кончится скорее!

— Нет, Поль, — отвечала Шарлотта, побегая к нему, — это ни сон, ни комедия, вот, читай документы! Я — дочь графа Сэрве Альвареса де

Кастро. Разве ты оттолкнешь меня, своих детей теперь, когда я стала богата и знатна?

Молодой человек, в сильном волнении, рыдая, обнял молодую женщину и прижал к своей груди.

— У вас только одно средство, — продолжал мэр, — уничтожить жалобу, принесенную на вас — поправить вашу ошибку браком!

— Он согласен, господа, согласен! — вскричала Шарлотта вся в слезах и, подбежав, взяла руку своего отца и вложила ее в руку Поля де Марсэ.

Мужчины минуту поколебались, потом бросились в объятия друг друга и в эту минуту счастья и радости совершенно забыли все бывшие с ними. Через четверть часа Шарлотта де Кастро стала графиней де Марсэ.

По окончании церемонии Альварес де Кастро подошел к Люсу и фамильярно заговорил с ним:

— Ну, братец, — сказал он ему, — нам с тобой есть о чем поговорить!

— Карл! — вскричал полицейский, готовый упасть в обморок.

Тсс, брат! — отвечал Альварес. — Карл умер, перед тобой граф де Кастро, знатный португалец, собственник двух провинций и золотых приисков в Перу!..

OCR: Ustas PocketLib

Spellcheck: Serge

Издатель:

Харьков: Фирмы «Интербук-Украина» и «Лианда»

1992 г.

Переводчик: не указан

(предположительно — по изданию П. П. Сойкина (прим. OCR))

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Note1

Техническое добывание кураге в действительности основано на извлечении его из особого растения, так называемой чилибухи

Note2

Непереводимая игра слов: французское la surete значит вообще безопасность, но так же называется (la Surete) и один из отделов полиции — полиция безопасности (в отличие от других отделов — так наз. , полиция нравов, существующая в Париже)

Note3

J. Bonhomme — нарицательное имя, в переводе означающее простофиля, относительно вообще к буржуазии

Note4

Теперь уже минувшего

Note5

Аристократический квартал Парижа

Note6

На французском языке (on ne sail ni qui vitni qui meurt).